

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Филологический факультет

Кафедра немецкой филологии

Тамара Владимировна Никифорова

**Лингвистическая характеристика метакоммуникативных
включений
в немецкой грамматике И.К. Готшеда и ее переводе
на русский язык**

Выпускная квалификационная работа магистра

Образовательная программа: Теория перевода и межкультурная
коммуникация (немецкий язык)

Научный руководитель: Константин Анатольевич Филиппов

Рецензент: Сергей Святославович Волков

Санкт-Петербург
2016

Содержание

Введение.....	3
Глава I. Метакоммуникативные аспекты грамматики	7
§ 1 Понятие метакоммуникации и функции метакоммуникативных включений	7
§ 2 Сравнительный анализ социокультурных условий создания грамматик И.К. Готшеда и И.М. Греча	17
§ 3 Сравнительный анализ грамматики И.К. Готшеда «Grundlegung einer deutschen Sprachkunst» и «Готшедовой немецкой грамматики» И.М. Греча	26
Краткие выводы по главе I	32
Глава II. Метакоммуникативные включения в немецких грамматиках И.К. Готшеда и И.М. Греча. Сравнительный анализ лингвистических характеристик	33
§ 1 Грамматическая терминология в метаязыке лингвистики	33
§ 2 Метакоммуникативные включения как элементы структурной организации текста.....	41
§ 3 Паралингвистические метакоммуникативные включения в грамматиках И.К. Готшеда и И.М. Греча	49
§ 4 Метакоммуникативные включения, выражающие авторское начало	54
Краткие выводы по главе II.....	64
Заключение	66
Список источников	68
Список использованной литературы.....	68

Введение

Немецкая грамматика «Grundlegung einer deutschen Sprachkunst» написана Иоганном Кристофом Готшедом и издана впервые в 1748 году. Грамматика Готшеда считалась образцовой грамматикой XVIII века, как в Германии, так и за рубежом [Koch, 2002, S. 237]. В течение XVIII века она была переиздана четыре раза: в 1749, 1752, 1757 и 1762 годах. Каждое следующее издание содержало исправления и дополнения. В предисловии к первому изданию Готшед пишет, что «не сложит крылья», будет работать над грамматикой, пока она не станет полной: «Denn so lange ich lebe, werde ich die Feder nicht niederlegen, bis ich diesen Entwurf der deutschen Sprachkunst, zu derjenigen Vollkommenheit gebracht habe, der er, nach meiner wenigen Einsicht, fähig ist, und die ich ihm, nach meiner geringen Kräften, werde geben können» [Gottsched, 1752, Vorrede der ersten Ausgabe]. И действительно, работа над грамматикой продолжалась 24 года. Это обстоятельство было хорошо известно в России. Ф.П. Шаров, автор еще одной немецкой грамматики XVIII века, получил в 1790 году упрек от начальства, что уже семь лет он работает над учебником грамматики, а в печать до сих пор не сдал. В своем рапорте Шаров объяснял, что если Готшед работал над своей грамматикой больше 23 лет, то и ему, Шарову, можно было бы дать на это лет 5–6 [Руднев, 2013, с. 108–110].

В России грамматика Готшеда была известна, ее немецким изданием и его французским переводом пользовались при обучении немецкому языку. А в 1760 появился русский перевод, то есть переработанный и сокращенный перевод под авторством Ивана Михайловича Греча. В этом издании И.М. Греч писал, что опирался на текст Готшеда, допуская сокращения, но не давал ссылку на грамматику Готшеда в названии.

В 1769 русский перевод был переиздан, на этот раз на титуле уже значилось имя автора: «Готшедова немецкая грамматика: Вновь исправленная, и для пользы и употребления российского благородного юношества напечатанная».

Считается, что перевод И.М. Греча положил начало целому ряду русских грамматик немецкого языка, которые в той или иной степени следовали традиции Готшеда. По «Готшедовой немецкой грамматике» И.М. Греча преподавали немецкий язык в Университете, гимназиях, семинариях и духовных академиях [Кислова, 2015, с. 57].

Тема магистерской диссертации **актуальна** по нескольким причинам. Во-первых, в связи с вопросами формирования языка науки в Германии и в России. XVIII век был веком активного освоения национального языка и отказа от иноязычных заимствований. Германия шла по пути становления национальной идентичности. А в России с началом правления Петра I началась активная европеизация, которая затронула все сферы жизни общества. В эту эпоху большую значимость приобрели языки-посредники, в том числе немецкий.

Во-вторых, тема актуальна в плане общих вопросов лингвистики и того значения, которое сегодня имеют исследования метакоммуникативного уровня текстов.

Под метакоммуникацией подразумевается такой уровень речи или текста, который направлен не на передачу значимой информации, а на сам процесс организации общения, установление социальных взаимосвязей коммуникантов, пояснение кода сообщения.

В случае грамматик Готшеда и И.М. Греча метакоммуникация происходит между автором и читателем, а также между немецким и русским метаязыками лингвистики.

Как известно, метакоммуникация не только дополняет и уточняет содержание сообщения, но и отражает межличностные и социальные взаимоотношения ее участников. Подобным образом в переводе метакоммуникация может отражать взаимоотношения культур, оттого сравнительный анализ метакоммуникативных компонентов оригинала и переводного текста может предоставить богатый материал для исследования диалога культур.

Понятие метакоммуникации используется во многих науках и применительно к различным сферам. Так, например, понятие метакоммуникации имеет

отношение к взаимосвязи вербального и невербального уровней общения, где невербальное метакоммуникативное сообщение (мимика, жест, поведение, интонация) может противоречить содержанию прямого высказывания. Или применительно к художественной практике, где в качестве метакоммуникативного сообщения может выступать рама картины, а ее отсутствие – служить либо дополнительным художественным приемом, либо вводить в заблуждение некомпетентного зрителя. Эти примеры подтверждают междисциплинарный потенциал категории метакоммуникация и указывают на возможность теоретических обобщений при решении задач анализа конкретного текста.

Целью магистерской диссертации является сравнительный анализ метакоммуникативных включений в немецкой грамматике Готшеда и «Готшедовой грамматике» И.М. Греча с точки зрения их лингвистических характеристик. Для достижения данной цели ставятся следующие **задачи**:

- определение объёма понятия «метакоммуникативное включение» и роли метакоммуникативных включений в научных текстах;
- прояснение исторических обстоятельств создания оригинального текста и текста перевода;
- определение места переводных грамматик в языковых процессах XVIII века;
- анализ метаязыка грамматик;
- выявление групп метакоммуникативных включений в обеих грамматиках;
- анализ конкретных групп метакоммуникативных включений с точки зрения их лингвистических характеристик.

Краткий обзор литературы. Русские филологи XIX века обращались к грамматике Готшеда почти исключительно как к отрицательному примеру (Ф.И. Буслаев, А.А. Котляревский). Исследователи XX века ценили Готшеда за его вклад в литературу и эстетику Просвещения и обращались, главным образом, к его литературным и теоретическим сочинениям, но не к «Грамматике» (С.В. Гундорова, В.Г. Краснова). Грамматический дискурс XVIII века, в том числе грамматика Готшеда, стала предметом исследований К.А. Филиппова, С.Св. Волкова, А.С. Бакулиной, Н.В. Каревой.

Немецкие ученые уделяли Готшеду большое внимание – литературному творчеству (J.C. Birke), философским взглядам (A.B. Gerken), грамматической концепции (K. Koch). В настоящее время в Германии проводятся «Дни Готшеда», публикуются и переиздаются его работы, появляется множество статей о нем и его трудах.

О роли немецкого языка в языковых и литературных процессах в России в XVIII веке писали К.А. Филиппов, Л.Н. Григорьева, Г.О. Винокур, В.М. Живов, Е.И. Кислова, V. Rjeóutski, K. Koch.

Проблема анализа метакоммуникативного уровня грамматик XVIII века поставлена в работах К.А. Филиппова и С.Св. Волкова. Однако сравнительный анализ метакоммуникативных включений в грамматиках Готшеда и И.М. Греча не проводился.

При первоначальной обработке грамматик И.К. Готшеда и И.М. Греча было отобрано свыше 150 примеров метакоммуникативных включений. В работе наблюдения проиллюстрированы с помощью 51 текстового фрагмента и около 60 отдельных метакоммуникативных включений.

Глава I. МЕТАКОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ГРАММАТИКИ

§ 1 Понятие метакоммуникации и функции метакоммуникативных включений

Задача настоящего параграфа – на основании анализа литературы, посвященной проблемам метакоммуникации, показать, какими бывают метакоммуникативные включения, какие задачи они выполняют в различных типах коммуникации, в особенности, в научных и учебных текстах. Понимание современных подходов к вычленению метакоммуникативных элементов текста позволит в дальнейшем вести анализ двух грамматик немецкого языка.

Определение некоторых элементов текста в качестве метакоммуникативных непосредственно связано с проблематикой метакоммуникации, что, в свою очередь, требует комментария относительно границ между понятиями метатекста, метаязыка, метакоммуникации и самой проблематики глубинных уровней изучения текстов и речи в лингвистике.

В связи с исследованием метакоммуникации нас интересуют такие термины как метаязык, метатекст и метакоммуникация. И.В. Арнольд приводит следующее определение понятия метаязык: «язык, предназначенный и используемый для описания другого языка, то есть язык, объектом которого является содержание и форма другого языка. Этим другим языком может быть отдельный национальный язык или даже любая другая семиотическая система» [Арнольд, 1991, с. 84].

Е.О. Мануйлова пишет о метаязыке следующее: «метаязык служит средством научного общения и характеризует как системные отношения между терминами языкознания, так и общенаучную лексику, используемую при напи-

сании научных работ или при общении учёных в этой сфере научного знания» [Мануйлова, 2013, с. 8].

О метатексте пишет Ю.М. Лотман. Он называет его текстом-кодом, то есть текстом, к которому осознанно или неосознанно обращаются авторы художественных произведений как к эталону. Примером такого текста-кода для эпохи европейского Возрождения служит «Энеида» Вергилия. В качестве текста-кода может выступать и так называемый «Петербургский текст», то есть совокупность мотивов, сюжетов, образов, оценочных суждений, регулярно встречающихся в текстах о Петербурге разных эпох. Этот «текст-код» (близко понятию «интертекст») не обязательно должен быть буквально произведением, он может не существовать физически, но присутствовать в качестве структурных элементов, художественных образцов и стереотипов [Лотман, 2005, с. 425–426].

Все три понятия описывают реальность языка, и отчасти пересекаются. Отличаются они так же, как отличаются понятия язык, текст, коммуникация (речь). Язык – система знаков, грамматическая система. Текст – законченное произведение. Коммуникация – речь, речевая ситуация (индивидуальный акт воли). Метаязык – система описания знаков и правил, в совокупности формирующих язык. Пример метаязыка – лингвистика. Метатекст – высказывания о процессе создания произведения или о его особенностях. Метакоммуникация – высказывания, элементы, сигнализирующие о ситуации общения собеседников. Любой продукт языковой деятельности может быть проанализирован с помощью этих понятий, но каждый раз это будет немного другой угол зрения.

Существует немало подходов к трактовке понятия метакоммуникация, они не противоречат друг другу, а, наоборот, дополняют, дают возможность взглянуть на проблему метакоммуникации под разными углами.

Одними из первых, кто использовал понятие «метакоммуникация», были психиатр Ю. Руш и Г. Бейтсон, антрополог, исследователь процессов коммуникации, в том числе в рамках зоопсихологии. Они считали, что «под метакоммуникацией следует понимать обмен сигналами и фразами об (а) коде и (б) отношениях между коммуникантами» [Bateson, 2009, p. 170]. Этой же позиции при-

держивались и П. Вацлавик, Дж. Бивин и Д. Джексон. Они считали, что «у каждой коммуникации есть аспекты, касающиеся содержания и взаимоотношения, при этом последний классифицирует первый и, следовательно, является метакоммуникацией» [Вацлавик, Бивин, Джексон, 2000, с. 50].

Важными исследователями для понимания метакоммуникации являются Б. Малиновский и Р. Якобсон. Б. Малиновский, антрополог, занимавшийся полевыми исследованиями в Юго-Восточной Азии и изучавший местные языки, не пользуется термином «метакоммуникация», ему принадлежит идея «фатического общения». Фатическая коммуникация – это «тип речи, в котором создание уз общности важнее обмена значимой информацией» [Malinowski, 1949, p. 315], то есть это обмен репликами и словами, функции которых заключаются в поддержании ощущения причастности к единой социальной общности. Это ритуальные, нормативные высказывания, например, фразы приветствия/прощания, вопросы о здоровье, комментарии о погоде [Malinowski, 1949, p. 315].

Р. Якобсон, крупнейший лингвист XX века, дополняет теорию Б. Малиновского о том, что метакоммуникация направлена на поддержание взаимоотношений коммуникантов, но особенно выделяет такую функцию метакоммуникации как толкование кода. По мнению Р. Якобсона, с помощью метакоммуникации собеседники уточняют, одним и тем же кодом они пользуются или нет [Якобсон, 1975, с. 194].

И. Гофман относит к метакоммуникации реплики, выполняющие функцию проверки канала связи, например, переспросы, уточнения, а также высказывания, свидетельствующие о том, что общение достигло адресата [Goffman, 1981, p. 280–296].

К работам Малиновского и Якобсона восходит различение двух основных типов метакоммуникации – направленной на отношения между собеседниками и на сам процесс коммуникации. К первому типу (отношения между собеседниками) восходит проблематика авторского начала в тексте и диалогических отношений между автором и читателем. Ко второму – проблематика структуры

коммуникативного процесса – последовательности передачи информации, связей между различными фрагментами, обобщения.

Как представляется, Малиновский и Якобсон специально проблему метакommunikативных включений не анализировали и классификаций не предлагали. Роль их работ заключается в самой постановке проблемы метакommunikации. Вопросы вычленения единиц текста и их интерпретация с точки зрения метафункций связаны с работами А. Вежбицкой.

А. Вежбицка обращает внимание на элементы речи или текста, конструкции и предложения, которые дублируют действия говорящего/пишущего, ставя тем самым акцент на той или иной информации. Она называет их метатекстовыми (что подтверждает подвижность границ между понятиями метаязыка, метатекста, метакommunikации). Как показывает А. Вежбицка, читая или слушая любой текст, адресат помимо просто прослушивания комментирует его «у себя в голове», то есть в сознании адресата возникает сразу два текста: текст-оригинал и комментарий к нему. Комментатором может быть не только слушающий/читающий, но и сам автор текста. Такие предложения как «В этом разделе я буду говорить о...», «Потом перейду к...», «В заключение я представлю...», «До сих пор я говорил о ...» и т.д. являются метатекстовыми, их можно с легкостью удалить из текста, но в отрыве от основного текста они теряют свое значение. «В высказывании переплетается текст с текстом метатекстовым. Эти метатекстовые нити могут выполнять самые различные функции. Они проясняют „семантический узор” основного текста, соединяют различные его элементы, усиливают, скрепляют» [Вежбицка, 1978, с. 404]. Акцентирование может происходить как эксплицитно, с помощью приведенных выше фраз, так и имплицитно с помощью экстралингвистических средств: в устной речи этому может служить изменение громкости речи, мимика, жестикуляция, в письменной – выделение текста жирным шрифтом, курсивом и т.д.

М. Стабз выделяет восемь различных типов метакommunikативных речевых актов: 1) «привлечение и поддержание внимания, его демонстрация; 2) контроль «количества сказанного»; 3) проверка или подтверждение понимания;

4) подведение итогов или обобщение; 5) определение или перефразирование; 6) редактирование; 7) коррекция; 8) уточнение темы» (Цит. по: [Абдуррахманова, 2014, с. 5]).

Эти метакоммуникативные элементы структурируют текст, помогают читателю в нем ориентироваться, но не несут информации, важной для усвоения материала. «Выражения с метадискурсивной функцией реферируют не к предметно-тематической линии сообщения, а к различным аспектам самого процесса коммуникации» (Цит. по: [Абдуррахманова, 2014, с. 5]).

Можно заметить, что в современной лингвистике нет универсального названия для такого рода элементов, их называют метакоммуникативными маркерами, включениями, единицами. Так, у А. Вежбицкой «метатекстовые элементы являются средством связности текста, служат для переключения внимания получателя на наиболее существенные, с точки зрения автора, фрагменты текста, помогают ориентироваться в пространстве текста, активизируя анафорические и катафорические связи, в конечном счете, они – «мета-организаторы» текста» [Вежбицка, 1978, с. 405]. У Е.К. Пигровой [Пигрова, 2001, с. 3] и С. Петковой [Петкова, 2011, с. 8] метакоммуникативные маркеры – это вводные слова и конструкции, служащие организации коммуникации, выделению значимой информации в тексте, привлечению внимания собеседника. Л.С. Гуревич в статье «Коммуникация и метакоммуникация в диалектике познания» использует понятия метакоммуникативное высказывание и метакоммуникативный стимулятор. Метакоммуникативный стимулятор «сигнализирует коммуниканту о необходимости введения метакоммуникативного высказывания» [Гуревич, 2009, с. 150]. Понятием метакоммуникативного высказывания пользуется И.Ф. Ганиева [Ганиева, 1996, с. 11–12].

Также нет и единой классификации этих элементов. Э.К. Абдуррахманова считает наиболее полной классификацию Вейнда Копла [Vande Kopple, 1985, p. 82–93], которую адаптирует к немецкому языку и выделяет следующие группы метакоммуникативных элементов: 1) Text Connectives (текстовые связки): *vor allem, zuerst, erstens, zweitens, drittens, also, zudem, im Folgenden, damit, weiter,*

wie wir schon gesehen haben...; 2) Code Glosses (интерпретаторы): mit anderen Worten, anders gesagt, also, aus dem bisher Gesagten sollten deutlich geworden sein, dass..., zur Verdeutlichung...; 3) Illocution Markers (иллокутивные маркеры): beabsichtige, wir können versuchen..., zur Verdeutlichung, wenn wir exakt vorgehen wollen...; 4) Epistemologie Markers (эпистемологические маркеры): bedeutend, von ungeheurer Bedeutung, (sehr) wichtig, ausschlaggebend, wesentlich...; 5) Commentary (комментарии); 6) Self-mentions (указатели самого себя): ich, wir, uns, unser, mein... Некоторые из приведенных выше метадискурсивных маркеров могут выполнять несколько функций, поэтому границы между группами условны [Абдурахманова, 2014, с. 5–6].

Представляется, что преимущественно проблема метакоммуникации рассматривается применительно к устной речи. Когда же речь идет о письменном тексте, а особенно о научном тексте, в котором в отличие от художественной литературы и публицистики нет прямых диалогов или иных воспроизведений устного разговора между собеседниками, возникают некоторые особенности.

Применительно к научным текстам вопрос о метакоммуникативных включениях ставится следующим образом. Научный стиль характеризуется точностью, нейтральностью/объективностью, универсальностью, поэтому метакоммуникативная структура такого текста не лежит на поверхности, не сразу бросается в глаза. Анализ метакоммуникативных элементов позволяет выявить скрытое за поверхностью объективности и нейтральности наличие авторского начала и диалогических отношений автора и читателя. Авторы научных текстов прибегают к метакоммуникации, когда речь идет не о предмете исследования, а об организации текста, его структуре [Auer, Baßler, 2007, S. 10].

Научный текст может быть культурно маркированным. Автор научного текста наряду со знанием своей дисциплины, обладает фоновым энциклопедическим, языковым, нормативным знанием, а также культурным опытом, который проявляется в особенностях формулирования, в выборе тех или иных языковых единиц [Чернявская, 2012, с. 157]. По мнению В.Е. Чернявской, тексты, написанные носителями немецкого языка и культуры, содержат более развер-

нутое описание традиции и предшествующих исследований перед тем, как начинается собственно авторское исследование. В сравнении с текстами, написанными носителями англо-саксонской культуры, тексты немецких авторов гораздо более объемны и сложны для восприятия. Другой особенностью немецких научных текстов является тенденция к некатегоричной модальности, то есть при формулировании итоговых суждений автор допускает возможность продолжения исследования, изменения его направления [Чернявская, 2006, с. 25].

Научный текст строится по определенным канонам, которые практически одинаковы для разных научных сфер. Так, С.Т. Нефедов, анализируя прагматические аспекты научной коммуникации и формулируя принципы обобщения в науке, приводит три общенаучные максимы Х. Вайнриха: «запрет на авторизацию» («das Ich-Verbot»), «нарративный запрет» («das Erzähl-Verbot»), «запрет на метафору» («das Metaphern-Verbot»). Свои принципы Вайнрих формулировал на базе преимущественно естественнонаучных дисциплин, но они применимы и к лингвистике [Нефедов, 2014а, с. 60–62].

«Запрет на авторизацию» проявляется в том, что в научных текстах редко дается прямое указание на автора или группу авторов, используются в основном обобщающие и пассивные конструкции. Но научный текст, тем не менее, остается авторским текстом. Большое количество скрытых оценочных и модальных элементов в той или иной мере выражает позицию автора, его мнение. Говоря о «запрете на метафору», нужно отметить, что отсутствие явного авторского начала вынуждает прибегать к скрытым метафорам, например, в ситуации, когда вместо упоминания автора в предложении используется конструкция с абстрактным подлежащим, заменяющим автора: «Статья посвящена...», «Работа основана на материалах...». «Нарративный запрет» подразумевает логическую линию рассуждения, а не темпоральные связи между пропозициями, как в нарративе. В научных текстах преобладают аргументативные и экспликативно-классифицирующие структуры. Нарратив может проявляться в ситуации упоминания имен известных исследователей, их работ, дат и временных периодов,

отсылки к предыстории написания труда [Нефедов, 2014б, с. 10–12]. Для настоящего исследования важны метадискурсивные отсылки к процессу создания текста. Они структурируют текст, комментируют процесс текстопорождения: «Как говорилось выше,...», «Было уже отмечено, что ...» [Нефедов, 2014а, с. 60–62]. Из вышесказанного следует, что подобные «запреты» являются лишь обобщением традиции создания научных текстов, а не обязательными предписаниями.

Помимо метадискурсивных отсылок к процессу текстопорождения к метакоммуникативным (или метадискурсивным) включениям в научном тексте можно отнести модально-эпистемические компоненты, то есть компоненты, выражающие авторское отношение к высказыванию (*sicher, bestimmt, vielleicht...*); рационально-оценочные лексемы, то есть лексемы, выражающие точку зрения автора в плане ложности/истинности, важности/неважности, возможности/необходимости (*wichtig, ungenau, sinnvoll*); антропонимические эпистемические предикаты и отглагольные имена познавательных действий и операций, то есть использование абстрактных существительных и выражений с целью ухода от прямого упоминания автора [Нефедов, 2013, с. 53–55].

Э.К. Абдуррахманова полагает, что проблематика метакоммуникативных включений разработана в большей степени на материале английского языка. В немецком языке в качестве метадискурсивных элементов могут выступить слова и выражения *also, deshalb, wichtig, wie wir noch sehen werden* и т.д. Э.К. Абдуррахманова считает эти элементы метадискурсивными, так как они указывают на авторскую позицию и комментируют процесс текстопорождения [Абдуррахманова, 2014, с. 5]. Авторы текстов, принадлежащих к научному стилю, как правило, избегают прямого указания на себя, часто вместо формы Я (*Ich*) используется Мы (*Wir*) или вовсе безличные формы. Но все чаще в научных текстах появляются и прямые указания на автора [Auer, Baßler, 2007, S. 10].

Э.К. Абдуррахманова делит метадискурсивные маркеры по способу выражения эгореферентности: метадискурсивные маркеры со скрытой эгореферентностью (*vor allem, damit, weiter, sehr wichtig, das Wesentliche ist...*; *важно,*

далее, в особенности...) и метадискурсивные маркеры с эксплицитной эгореферентностью (*Ich, wir, uns, aus dem bisher Gesagten, wir können versuchen...; я, мы, в нашем исследовании, мы можем попытаться...*). Также Абдуррахманова классифицирует метадискурсивные элементы по их структурно-грамматической организации: отдельные словоформы (*einerseits, erstens, letztlich...*), придаточные предложения с «wie» (*wie wir schon gesehen haben...*), словосочетания разной грамматической структуры (*mit anderen Worten, im Folgenden*) [Абдуррахманова, 2014, с. 6–7].

Н.С. Супоницкая приводит следующую классификацию метакоммуникативных включений в научных текстах:

- 1) модально-эпистемические компоненты;
- 2) девербативы – отглагольные существительные или прилагательные, выражающие абстрактное действие, со значением, которые часто передают результаты мыслительной деятельности человека;
- 3) оценочная лексика с рационально-логическим значением;
- 4) коннекторы – союзы, частицы, связующие наречия, метатекстовые элементы, которые выступают как носители субъективно-рефлексивного начала в коммуникативном процессе.

Коннекторы Супоницкая делит, в свою очередь, на:

- 1) коннекторы, реализующие композиционно-смысловую организацию текста (*zuerst, zuvor, weiter, danach, dann, später, oben, unter, einerseits, andererseits, erstens, zweitens, drittens, letztlich...*).
- 2) коннекторы, выражающие мыслительный ход развертывания научного текста.
 - логическое выделение (*auch, noch einmal, nicht nur...*).
 - добавление информации (*übrigens, dazu, außerdem...*).
 - разъяснение информации (*d.h., das bedeutet, z.B., nämlich, und zwar, also...*).
 - альтернативная точка зрения (*aber, oder...*) [Супоницкая, 2014, с. 77–83].

Понятие метакоммуникативных включений связано с интересом к коммуникативным аспектам анализа текста, с выявлением этапов коммуникативно-

го процесса и коммуникативной ситуации, которые явно или неявно присутствуют в любом тексте. Метакоммуникативные включения это небольшие лексические единицы (отдельные слова, высказывания, реже фразы), которые указывают на отправителя и получателя сообщения (автора, читателей), на код передаваемого сообщения, на канал коммуникации. Не касаясь содержания сообщения, метакоммуникативные элементы, тем не менее, являются богатым для анализа компонентом текста.

§ 2 Сравнительный анализ социокультурных условий создания грамматик И.К. Готшеда и И.М. Греча

Задача настоящего параграфа – сравнить условия, в которых были созданы два издания – оригинал грамматики И.К. Готшеда и ее русский перевод. Сравнение поможет высказать гипотезу относительно того, как различие обстоятельств создания грамматик могло повлиять на их содержание и функционирование.

XVIII век в Германии был веком борьбы за немецкий язык как язык науки. Немецкие просветители старались популяризовать немецкий и сократить влияние латыни. Иоганн Кристоф Готшед, признанный последователь Г.В. Лейбница и Х. Вольфа [Филиппов, 2013а, с. 257–258], был ярким представителем раннего немецкого Просвещения. Он внес особый вклад в создание единого литературного немецкого языка, реформирование театра и литературную традицию в целом [Gardt, 1999, S. 172]. Как пишет М.Л. Скворцова И.К. Готшед «подготовил плацдарм для стремительного взлета немецкой литературы второй половины XVIII столетия» [Скворцова, 2004, с. 3].

Готшед занимался нормализацией не только письменного, но и устного немецкого языка, боролся с засильем латыни в учебных заведениях в Германии. В нравственных еженедельниках «Der Biedermann» («Честный человек») и «Die vernünftigen Tadlerinnen» («Разумные хулиительницы») он публиковал статьи, затрагивавшие различные аспекты жизни общества, литературные проблемы, а также вопросы нормативного словоупотребления. Готшед также боролся с многочисленными иностранными заимствованиями и призывал немецких литераторов сохранять красоту языка и стиля. Готшед был противником диалектизмов, архаизмов и заимствований. Будучи рационалистом, он считал поучительность одним из важнейших качеств поэзии и литературы [Филиппов, 2013а, с. 258]. Другие его статьи были посвящены вопросам просвещения и религии. Одними из важнейших его трудов в области нормализации немецкого языка

стали «Ausführliche Redekunst» («Очерки по рациональному искусству речи», 1728), «Versuch einer kritischen Dichtkunst für die Deutschen» («Опыт критической поэзии для немцев», 1730), «Beobachtungen über den Gebrauch und Mißbrauch vieler deutscher Wörter und Redensarten» («Наблюдение над правильным и неправильным употреблением многих немецких слов и выражений», 1758). Готшед был одним из главных авторитетов в области нормализации языка не только в Германии, но и в Австрии [Бакулина, 2008, с. 12–15]. Важна деятельность И.К. Готшета как драматурга и театрального критика. Наиболее известная его пьеса – «Sterbender Cato» (1731). Он считал, что театр играет важную роль в формировании единого литературного языка, так как спектакли оказывают большое влияние и на речь зрителей [Бакулина, 2008, с. 7–9].

Именно к Готшеду обратился Московский университет с просьбой посоветовать двоих одаренных ученых, для преподавания немецкого языка, истории и географии в Гимназии и университете. Готшед отправил в Россию двоих своих учеников Иоганна Готфрида Райхеля (1727–1778) и Кристиана Готлиба Кёльнера (1729–1760). Кёльнер, в свою очередь, уже был известен как переводчик трудов Сумарокова на немецкий язык [Koch, 2002, S. 194].

Во второй половине XVIII века Готшед стал терять свою популярность. Он был новатором в области исследований немецкого языка, но приверженность к классицизму в литературе и театре отодвигала его на второй план, так как классицизм постепенно уходил в прошлое, а романтизм завоевывал свои позиции [Бакулина, 2008, с. 15–16]. Это изменение отношения к Готшеду отражено в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина: «Мы остановились в трактире, который считается лучшим в городе. Тотчас окружили нас жида с разными безделками. Один предлагал трубку, другой – старый Лютеранский молитвенник и Готшедову Грамматику, третий – зрительное стекло, и каждый хотел продать товар свой таким добрым господам за самую сходную цену» [Карамзин, 1987, с. 11].

Упоминание грамматики Готшета в этом произведении является частью так называемого «филологического сюжета», который выстраивается на фоне

общего повествования из целого ряда знаковых деталей, связанных с проблемой языка и развития филологической мысли эпохи [Алпатова, 2012а, с. 29]. Карамзин отвергает «готшедову грамматику» как и остальные, так как не согласен с ее теоретической основой, он считал «универсальность общепонятного и единого для всех языка» утопией, а языковые различия стремился не сгладить, а выявить и осознать [Алпатова, 12б, с. 307].

Социокультурная ситуация в России в XVIII веке отличалась от немецкой. С приходом к власти Петра I началась европеизация русской культуры. Она затронула и языковые процессы. С одной стороны, начиная с петровской эпохи, знати и тем, кто был занят в армии, государственном управлении необходимо было владеть иностранными языками. Поэтому потребность в изучении иностранных языков выросла многократно. С другой стороны, иностранные языки, в том числе труды по теории языка (немецкого, французского), а также иностранные грамматики сыграли важную роль в унификации языковых норм русского литературного языка. Например, некоторые лексические, синтаксические, фразеологические особенности европейских языков повлияли на формирование русского литературного языка. Кроме того, русская литература заимствовала новые способы выражения и жанры из европейской [Argent, Offord, Rjeóutski, 2015, p. 11–12].

В XVIII веке Россия сильно поменяла свой облик в глазах европейских держав. Западноевропейские идеи, институты власти и технологии перенимались в ходе реформирования судебной системы, военного дела, внедрения новых производств, а также системы образования. Все это привело к «европеизации» высшего слоя российского общества.

Значительно увеличились контакты с другими европейскими странами, в Россию прибывало большое количество иностранцев, среди которых немцы занимали большúю, если не бóльшую часть [Глушак, 2012, с. 24–25]. Такое количество немецкоговорящих в самых разных областях жизни: при дворе, в армии, в медицине, в торговле, в производстве и т.д., приводило к тому, что немецкий стал практически вторым языком общения [Argent, Offord, Rjeóutski, 2015, p.

11]. Поэтому немецкий язык был практически самым изучаемым среди русских, особенно среди тех людей, которые хотели сделать карьеру [Koch, 2002, S. 46]. Реформы Петра в области системы управления государством опирались на немецкий и шведский опыт, он приглашал на службу в Россию подданных иностранных государств, высшие должности нередко занимали немцы [Dahmen, 2015, p. 24–25]. Эта традиция продолжилась и позже. Так, большое количество немцев было при дворе Анны Иоанновны, среди них легендарная личность – герцог Эрнст Иоанн Бирон, пригласивший на службу Иоганна Эрнста Греча – фаворит императрицы, игравший такую огромную роль в государственных делах, что 1730-е годы получили название «бироновщины».

Появлению большого количества немцев при российском дворе в XVIII веке способствовала и матримониальная политика, начатая Петром I и продолженная его преемниками, она была направлена на сближение с немецкими правящими династиями [Dahmen, 2015, p. 23]. Стоит отметить, что большинство династических браков между представителями династии Романовых и европейских царствующих династий заключалось именно с немецкими домами [Шарф, 2012, с. 144]. В результате, немецкий был родным языком российского императора Петра III и императрицы Екатерины II.

Еще одной областью употребления немецкого языка в России в XVIII веке была медицина. Большинство профессиональных врачей в тот период времени в России были немцами. Они приезжали в Россию в свите немецких принцев и принцесс, вступавших в брак с представителями российской правящей династии. Они же преподавали в учебных заведениях, поэтому преподавание в основном велось на немецком, и без знания немецкого и латыни студенты не могли поступать в эти учебные заведения [Dahmen, 2015, p. 27].

Немецкий язык господствовал в XVIII веке и в армии. Так как в кадетских корпусах обучение и военная подготовка велись в основном на немецком, то немецкий и стал официальным языком российской армии – приказы отдавались на немецком языке, звания были заимствованы из немецкого [Dahmen,

2015, р. 26–27]. Для Сухопутного Шляхетного кадетского корпуса в Петербурге и создавалась «Готшедова немецкая грамматика» И.М. Греча.

Князь Михаил Михайлович Щербатов писал своему сыну Дмитрию Михайловичу Щербатову о важности знания немецкого для русского дворянина, готовящегося служить родине на военной или гражданской службе: «Вы знаете, мой сын, насколько немецкий язык необходим в России. Несколько областей, которые составляют часть нашей обширной империи, говорят на этом языке. Наше соседство с немецкими землями, различные отношения, которые мы имеем с этим кельтским народом, обязывают вас к этому. Вы находитесь в городе, где общий для всех язык немецкий, так что постарайтесь приложить усилия к тому, чтобы выучиться поскорее с тем, чтобы быть в состоянии слушать лекции господ профессоров» [Переписка..., 2011, с. 356].

В подготовленной по указу Петра книге «Юности честное зеркало» молодым людям советуют владеть иностранными языками, чтобы иметь возможность вести серьезные разговоры при прислуге, которая иностранных языков не знает: «Младя отроки должни всегда между собою говорить иностранным языки, дабы тем навикнуть могли, а особливо когда им что тайное говорил, случится, чтоб слуги и служанки дознаться не могли и чтоб можно их от других не знающих болванов разпознать...» [Юности..., 1990, с. 18–19].

Немецкий был не единственным иностранным языком, значимым для языковых и общекультурных процессов в России XVIII века. В начале правления Петра I важнейшим иностранным языком в России была латынь, так как именно латынь была языком науки в Европе. В основанной Петром в 1724 г. Академии наук латынь использовалась как для общения между русскоговорящими, так и для общения с иностранцами. Латынью пользовалось и духовенство. Молодые люди из аристократических семей, которые хотели получать образование в Европе, тоже владели латынью, так как преподавание в европейских высших учебных заведениях в XVIII веке велось частично на латыни. Ю.М. Лотман отмечал, что к концу XVIII века высшие слои российской аристократии стали серьезнее, чем раньше относиться к обучению латыни и французскому

[Argent, Offord, Rjeóutski, 2015, p. 7–8]. В начале XVIII века в России особой популярностью пользовался немецкий язык, но постепенно это место стал занимать французский [Berelowitch, 2015, p. 43]. Французский язык во второй половине XVIII века стал языком двора, культуры, искусства, а также он использовался во многих масонских ложах, то есть был в основном распространен среди высшей знати. Немецкий же продолжал господствовать во многих областях общественной жизни [Rjeóutski, Offord, 2013, p. 5–6]. Стали появляться учебные заведения, как средние, так и высшие, в которых преподавались не только греческий язык и латынь, но и «живые» иностранные языки [Никшикова, 2007, 10]. В этот период большинство населения России не владело иностранными языками или было совсем неграмотно. Изучение иностранных языков было доступно только небольшой социальной группе знати. По большей части представители высшего сословия были билингвами или даже мультилингвами [Argent, Offord, Rjeóutski, 2015, p. 1].

Английским языком пользовались офицеры военно-морского флота, и он преподавался только в военно-морском кадетском корпусе [Cross, 2015, p. 60]. Общение же с представителями англоговорящих государств происходило в основном на французском. Итальянский язык тоже использовался в России в XVIII веке: в дипломатии, в сфере музыки и других искусств [Argent, Offord, Rjeóutski, 2015, p. 9].

Иностранные языки в России в XVIII веке не были самоцелью обучения, но средством получения плодов европейского знания, а это стимулировало развитие российской науки и культуры.

Отдельно стоит отметить, что знание иностранных языков помогало устанавливать более тесные контакты с европейскими государствами, а также распространять информацию о России. Прежде о России в Европе знали только из немногочисленных путевых заметок, порой совсем нелестных. Теперь же все чаще стала переводиться русская проза и поэзия. Все это помогло России занять важное место среди европейских держав [Argent, Offord, Rjeóutski, 2015, p. 12].

XVIII век также значим для истории России как время стремительного развития книжной торговли и библиотек. Большинство книг первой публичной библиотеки в Санкт-Петербурге было вывезено в результате Северной войны из Прибалтийских областей. Среди книг, находящихся в российских частных и общественных библиотеках больше всего было книг по филологии, а именно грамматик, учебной литературы и словарей. Помимо ввозимых на территорию России иностранных книг развивалось и отечественное книгопечатание. Первой книгой, изданной в России на немецком языке, была Немецкая азбука (1714). Петр I поддерживал издание литературы на иностранных языках в России с целью распространения информации о достижениях Российской империи в различных областях науки и производства за рубежом. Печатались также и учебники для российских учебных заведений. Сначала они были в основном на немецком языке, позже стали появляться и двуязычные издания [Dahmen, 2015, p. 29–30].

Правление Петра I было ознаменовано не только широким распространением иностранных языков среди населения России, но и модернизацией русского языка. В 1708 году Петр издал гражданский шрифт – упрощенный алфавит, который отличался от того, на котором писались церковные книги. Литераторы задумались о том, как систематизировать русский язык. Первыми работами в этой области были сочинения В.К. Тредиаковского в 1730 г. и М.В. Ломоносова в 1750. Там была предложена систематизация литературных стилей и жанров.

Грамматические руководства русского языка сначала опирались на опыт других славянских языков, позже появились контакты с западноевропейской (в основном немецкой) филологической традицией [Живов, 1996, с. 43–45]. Обучению русскому языку как родному предшествовало обучение русскому как иностранному, и принципы грамматической нормализации могли переходить из пособий для иностранцев в пособия для носителей русского языка. Одними из первых грамматик русского языка для иностранцев были «Grammatik der russischen Sprache» И.-Э. Глюка (1703-1705) [Живов, 1996, с. 160], «Enweisung zur

Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache zum Nutzen, sonderlich der teutschen Nation aufgezetzt» И.В. Пайса (1705–1729), «Первые основания русского языка» В.Е. Адодурова (1731) [Карева, 2014, с. 31–32].

Обучение иностранным языкам в России в XVIII веке часто происходило одновременно с изучением родного языка, поэтому иногда применялось сравнение некоторых грамматических явлений иностранного языка и родного. Сравнивались как различные грамматические явления, так и стилистические особенности разных жанров [Витлин, 1958, с. 16]. При обучении иностранным языкам использовалось сравнение не только с родным, но и с другими иностранными языками, например, с латинским, практиковались переводы как с родного языка на иностранный и с иностранного на родной, так и с одного иностранного на другой [Витлин, 1959, с. 6].

Грамматики иностранных языков в России издавались или полностью на русском языке (например, грамматики В. Е. Теплова и В. И. Лебедева) или с параллельными текстами на двух языках (например, «Немецкая грамматика» М. Шванвица). Для удобства обучающихся в Грамматиках приводились параллельные формы двух языков, таким образом, хоть это и не было первостепенной задачей, поиск эквивалента для форм иностранного языка приводил к кодификации русского варианта [Карева, 2011, с. 97–98].

Поскольку в XVIII веке ни русский язык, ни немецкий еще не имели четко сформулированных классификаций грамматических явлений, автор каждой отдельной грамматики предлагал собственную классификацию. Например, в грамматике немецкого языка Готшеда приводится шесть падежей, а у И. Бедикера всего один [Витлин, 1958, с. 11].

Грамматики Готшеда и И.М. Греча создавались в одну эпоху, но в разных социокультурных ситуациях и с разными целями. Грамматика Готшеда создавалась на фоне борьбы литературных стилей, борьбы за становление единого национального языка и за роль немецкого как языка науки. Труд И.М. Греча был создан в ситуации интенсивной европеизации российской культуры. В этом процессе важную роль играло освоение иностранных языков как «кана-

лов» доступа к европейской науке, а также как признак принадлежности к социальной элите.

§ 3 Сравнительный анализ грамматики И.К. Готшеда «Grundlegung einer deutschen Sprachkunst» и «Готшедовой немецкой грамматики» И.М. Греча

Сравнение историй создания исследуемых грамматик, а также социокультурная обстановка в Германии и России в ту эпоху позволяет выявить различия в функционировании этих трудов. Более детальный анализ сходств и различий оригинала и адаптированного перевода поможет более четко увидеть разность авторских подходов и целей.

Иоганн Кристоф Готшед – немецкий писатель, литературный критик, историк литературы и театра, теоретик немецкого языка и литературы.

Труд Готшеда «Grundlegung einer deutschen Sprachkunst, nach den Mustern der besten Schriftsteller des vorigen und jetzigen Jahrhunderts abgefasst» был впервые издан в 1748 году. Он посвящен вопросам кодификации немецкого языка. В качестве образца Готшед брал язык произведений лучших немецких писателей и поэтов XVII–XVIII веков. Над этой книгой Готшед работал, как он пишет во вступлении к первому изданию, больше 24 лет, то есть половину его жизни к тому моменту: «Ich habe mehr als vier und zwanzig Jahre, das ist, die halbe Zeit meines Lebens darauf verwandt, mich zu guter Ausarbeitung desselben [des Buches – Т.Н.] geschickt zu machen» [Gottsched, 1752, Vorrede der ersten Ausgabe].

«Grundlegung einer deutschen Sprachkunst» претерпела пять переизданий еще при жизни Готшеда и была переведена на множество языков: латинский, польский, русский, французский, нидерландский, венгерский.

Грамматика Готшеда предназначалась для носителей немецкого языка, желающих усовершенствовать свой язык. Во вступлении к первому изданию Готшед пишет, что его сочинение предназначено для немцев, особенно для молодежи. Он делает акцент на том, что иностранец, не владеющий немецким языком, попросту не сможет воспользоваться этой грамматикой: «Nun ist es zwar gewiß, daß ich meine Sprachlehre zuförderst für unsere Landesleute, sonderlich

für die Jugend geschrieben habe. Alle meine Regeln sind bloß deutsch abgefasst: und so lange ein Ausländer noch gar nichts Deutsches versteht, so lange kann er sie nicht einmal lesen» [Gottsched, 1752, Vorrede der ersten Ausgabe].

Эта грамматика пользовалась популярностью, как в Германии, так и в других странах и считалась «стандартной грамматикой» того времени [Koch, 2002, S. 237]. Но несмотря на свою популярность грамматика Готшеда подвергалась и критике. Например, ученик Готшеда Райхель, которого он отправил преподавателем в Московский университет, писал о неполноте раздела о синтаксисе. Или И.Е.Ф. Шалль, преподаватель кадетского корпуса и автор «Новой немецкой грамматики» (1789), был не согласен ни с описанием системы немецкого языка в грамматике Готшеда, ни с методическими рекомендациями [Koch, 2002, S. 250–251].

Иоганн Эрнст Греч (Иван Михайлович) (1709–1760), как и И.К. Готшед (1700–1766), родился в Кёнигсберге, но девятью годами позже. Их пути могли пересекаться, хотя о прямых контактах сведений найти не удалось.

Готшед учился в Кенигсбергском университете, где защитил диссертацию по метеорологии и физике, а в 1724 г. переехал в Лейпциг. Там он защитил вторую диссертацию – по поэтике, и вступил в «Немецкое поэтическое общество» [Бакулина, 2008, с. 12–13]. И.М. Греч был отправлен в 1732 г. на городскую стипендию студентом в Лейпцигский университет, где познакомился и помогал в работе историку Маскову. Во время обучения в Германии И.М. Греч познакомился со многими русскими студентами и стал заниматься русским языком. Позже его рекомендовали в секретари к герцогу Бирону в Митаву, а 1738 г. он был назначен профессором истории и нравоучения в Сухопутном Шляхетном кадетском корпусе [Греч, 2002, с. 8–10]. После 20-ти лет работы в этой должности был назначен директором учебной части (инспектором классов) корпуса [Лузанов, 1907, с. 182]. Также И.М. Греч был лектором при великой княгине Екатерине Алексеевне (будущей императрице Екатерине II), выбирал книги для ее библиотеки и преподавал ей историю и политику [Греч, 2002, с. 8–10].

Внук И.М. Греча Николай Иванович Греч пишет в своих воспоминаниях, что у него сохранились документы, подписанные его дедом при поступлении на службу в Кадетский корпус. Николай Иванович отмечает интересный факт, что присягу И.М. Греч принес на немецком языке [Греч, 2002, с. 9]. Еще будучи студентом, а потом профессором в Митавской гимназии И.М. Греч писал стихи по-немецки. А, служа в Шляхетском корпусе, сочинил «Политическую географию». Эту книгу он тоже, по-видимому, написал по-немецки, а кто-то из его учеников ее перевел [Греч, 2002, с. 11]. Судя по всему, русский язык И.М. Греч знал недостаточно, что, впрочем, для образовательной системы того времени не было препятствием.

К изданию русского перевода грамматики Готшеда имел отношение не только И.М. Греч. В книге К. Кох (Дамен) указывается, что грамматика Готшеда была переведена Е.С. Харламовым с рукописи И.М. Греча [Koch, 2002, S. 237], хотя в первом издании 1760 года не указано ни имя Харламова, ни имя Готшеда: «Немецкая грамматика, сочиненная в пользу и употребление благородного юношества при Сухопутном шляхетном кадетском корпусе». В издании 1769 г. уже появляется ссылка на труд Готшеда: «Готшедова немецкая грамматика: Вновь исправленная, и для пользы и употребления российского благородного юношества напечатанная».

Е.С. Харламов обучался в Сухопутном Шляхетном кадетском корпусе, где преподавал И.М. Греч. После окончания работал там же преподавателем и директором типографии. Харламов известен как литератор, но, прежде всего, как переводчик. Кроме Готшедовой грамматики он переводил с французского и английского, издавал романы Э. Ленобля, К.-Ф. Ламбера, Ш.-Р. де Комон де Ла Форс, пьесы Д. Дидро, повести К. Бернар, Г. Филдинга [Словарь..., 2010, с. 329–331].

«Готшедова немецкая грамматика» И.М. Греча считалась важнейшим учебным пособием по немецкому языку того периода в России [Koch, 2002, S. 236–237]. До появления этого текста в России использовали немецкий текст или перевод на французский [Koch, 2002, S. 329].

В регламенте Московских гимназий 1755 года [Филиппов, Григорьева, 2013, с. 260] и в регламенте академической гимназии 1758 года М.В. Ломоносов предписывает изучать немецкий язык по «Готшедовой грамматике» [Ломоносов, 1955, с. 495]. По этому же учебнику немецкий язык преподавался и в семинариях и духовных академиях [Кислова, 2015, с. 57].

«Готшедова грамматика» И.М. Греча положила начало целому ряду русских грамматик немецкого языка, которые в той или иной степени следовали традиции Готшета. Например, «Немецкая грамматика» М.И. Агентов (1762) [Koch, 2002, S. 237–238].

Название сочинения Готшета не совсем типично для учебника. Оно показывает более широкий круг задач, поставленных автором. Это уже не просто учебник, а теоретическое сочинение. И.К. Готшед пишет во вступлении, что грамматика издавна относится к *artes liberalis*, то есть является одним из семи свободных искусств: «Die Sprachkunst ist von den ältesten Zeiten her unter die sieben freyen Künste gezahlet worden» [Gottsched, 1752, S. 2].

Из названия учебника И.М. Греча следует, что это учебное пособие, предназначенное для обучения немецкому языку русских учащихся. Философская линия, присутствующая в оригинале Готшета, здесь опускается. И.М. Греч сократил Грамматику Готшета, убрав обширные рассуждения об истории языка, о значении языкознания, о значении немецкого языка в мире и оставив только собственно грамматическое описание немецкого языка.

Готшед следует устоявшейся традиции в названиях частей своего сочинения (Von den besonderen Regeln der deutschen Rechtschreibung; Von den orthographischen Unterscheidungszeichen; Von den Reimen in der deutschen Poesie). Так называл свои сочинения еще Аристотель. Ср.: «О душе» («Über die Seele»), «О небе» («Über den Himmel»). Таким же приемом пользуется М.В. Ломоносов в «Российской грамматике»: «Глава 1. О голосе», «Das erste Hauptstück. Von der Stimme» [Филиппов, Волков, 2014, с. 26–27].

Как видно из приведенных выше примеров, Готшед старается использовать в заголовках в основном немецкие термины, но в некоторых случаях он

прибегает и к использованию устоявшейся латинской терминологии: Von der Fügung der Fürwörter (Syntaxis Pronominum); Von Fügung der Bindewörter (Conjunctionum); Vom Geschlechtsworte (articulo).

В тексте И.М. Греча прослеживается приверженность той же традиции в названиях частей (О правописании и произношении слов; О произведении слов; О сочинении; О просодии).

Каждое из пяти прижизненных изданий грамматики Готшеда содержит обширные предисловия, в которых автор описывает задачи данного труда, объясняет добавления и исправления, вносимые в следующие издания, благодарит тех, кто ему помогал или обращался к нему за советами при переводе его грамматики на другие языки и создании подобных грамматик для других языков.

В русском же тексте И.М. Греча предисловие исключено совсем, грамматика начинается сразу с раздела о правописании и произношении. Это еще раз иллюстрирует прагматический подход И.М. Греча, доказывает, что его книга — это только учебный материал, а не теоретическое сочинение о немецком языке.

Общая структура двух грамматик также различается. Основные четыре части совпадают: орфография; морфология; синтаксис; просодия. Но И.М. Греч опускает пространные рассуждения Готшеда о природе языка, об идеальном искусственно созданном языке, о месте немецкого языка среди европейских языков. Пространное введение у Готшеда называется «Grundriß einer deutschen Sprachkunst» («Очерк об искусстве немецкого языка»), оно разделено, в свою очередь, на три части: «Von der Sprachkunst überhaupt» («Об искусстве языка вообще»), «Von der Vollkommenheit einer Sprache überhaupt» («О совершенстве языка вообще»), «Von der Abtheilung der Sprachlehre» («О делении учения о языке»).

При переиздании «Готшедовой немецкой грамматики» И.М. Греча в 1769 году были добавлены лишь несколько более развернутые примеры, немного изменилось описание падежной системы и терминология [Koch, 2002, S. 329].

И.М. Греч в первом издании «Готшедовой немецкой грамматики» использует русскую терминологию, заимствованную у Шванвица, и в скобках да-

ет латинское название, во втором издании латинские обозначения заменены на немецкие, взятые у Готшеда [Koch, 2002, S. 371].

Примеры в Грамматике Готшеда выбраны в основном из литературы и поэзии. Они как бы реализуют принцип Готшеда, что учиться надо на примерах из хорошей литературы. И.М. Греч опускает стихотворные примеры, сокращая и общее их количество. Выбор примеров у него основан в основном на прагматическом подходе, то есть он выбирает из примеров Готшеда самые подходящие для употребления в повседневном общении и добавляет свои.

По-разному в обеих грамматиках выглядит диалог автора и читателя. Готшед обращается лично к читателю, ведет с ним диалог, говорит от первого лица. Перевод же выдержан от 3 лица, преобладают формы императива, создающие интонации наставления.

Подводя итог, отметим, что различие двух текстов – оригинала и переработанного перевода – не ограничивается тем, что первый (оригинал) был адресован носителям языка, а второй иностранным учащимся, осваивающим немецкий как иностранных язык. Различия демонстрируют различие культурных ситуаций, в которых эти книги появились и функционировали.

Грамматика Готшеда была частью большой программы борьбы за немецкий язык как язык науки, философии, искусства (литературы и театра). Она соотносится с другими трудами Готшеда и его единомышленников, посвященными идее создания единого немецкого языка на основе языка лучших поэтов и писателей Германии. Грамматика И.М. Греча родилась в более прагматическом контексте с целью предоставить действенное средство обучения языку, занимавшему столь важные позиции в разных сферах жизни России XVIII века.

Краткие выводы по главе I

Метакоммуникативные включения – это небольшие фрагменты текста (слова, словосочетания, предложения), не имеющие прямого отношения к содержанию сообщения, но несущие в себе дополнительную информацию о коде сообщения, об участниках коммуникации. Существующие классификации метакоммуникативных включений опираются, как правило, на общую модель процесса коммуникации – отправитель, сообщение, получатель, код сообщения, канал коммуникации. Анализ метакоммуникативных включений в научных текстах позволяет более полно раскрыть замысел автора, его цели и мотивы.

Социокультурная обстановка в Германии и в России в XVIII веке различалась. Немецкие ученые боролись с засильем латыни в научной среде и стремились к созданию литературного немецкого языка, а Россия с приходом к власти Петра I встала на путь европеизации. По этой причине в России резко возросла потребность в знании европейских языков, не только для общения, но и с целью усвоения плодов европейского знания. Немецкий язык был в России в XVIII веке одним из языков-посредников при изучении научного наследия Европы.

Грамматика «Grundlegung einer deutschen Sprachkunst» И.К. Готшеда и «Готшедова немецкая грамматика» И.М. Греча входят в число важнейших грамматических пособий своей эпохи. Грамматика Готшеда предназначалась носителям немецкого языка и была частью обширной работы по созданию единого национального литературного немецкого языка, а грамматика И.М. Греча создавалась с более прагматическими целями – была пособием для изучения немецкого как иностранного в эпоху интенсивной европеизации России, когда владение иностранными языками давало доступ к европейской образованности и служило маркером социального статуса.

Глава II. МЕТАКОММУНИКАТИВНЫЕ ВКЛЮЧЕНИЯ В НЕМЕЦКИХ ГРАММАТИКАХ И.К. ГОТШЕДА И И.М. ГРЕЧА. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК

§ 1 Грамматическая терминология в метаязыке лингвистики

Обращение к проблематике метаязыка (и к научной терминологии как важнейшему компоненту метаязыка) связано с необходимостью охарактеризовать некоторые особенности перевода, а также механизмы взаимодействия между языками науки XVIII века. Как известно, грамматика является метаязыком для описания языка-объекта, тогда как национальные грамматики могут считаться разновидностями («диалектами») метаязыка, которые находятся между собой в отношениях коммуникации [Попова, 2011, с. 20]. Написание грамматики одного языка на другом языке или перевод грамматики с одного национального языка на другой (например, «Немецкая грамматика, из разных авторов собрана и российской юности в пользу издана от учителя немецкого языка при Санкт Петербургской гимназии» М. Шванвица», 1730; «Сокращение грамматики латинской, в пользу учащегося латинскому языку российского юношества переведено чрез Василья Лебедева, переводчика при Академии наук», 1746; «Новая французская грамматика, сочиненная вопросами и ответами. Собрана из сочинений господина Ресто и других грамматик, а на российский язык переведена Академии наук переводчиком Василием Тепловым», 1752) представляют собой ситуацию метакоммуникации между языками описания, то есть между метаязыками.

Особенно важна установка на коммуникацию (метакоммуникацию) для изучаемой ситуации XVIII века, когда идет процесс формирования языка науки. Для наук о языке в Европе это связано с преодолением господства латыни как

универсального языка науки, а для науки о языке в России – с существованием языков-посредников, одним из которых был немецкий.

Наиболее значимым метаязыковым средством является научная терминология, а также общенаучная лексика [Арнольд, 1991, с. 84], которые в совокупности составляют «каркас» метаязыка, позволяют адекватно описывать языковые явления, а читателю и автору понимать друг друга. Как отмечал К.А. Филиппов, подчеркивая коммуникативные функции научного аппарата немецких грамматик: терминология «не только играет исключительно важную роль в формировании строгой научной концепции автора, но и выступает определяющим звеном в понимании читателем излагаемого содержания» [Филиппов, 2015, с. 42].

Если под метакоммуникацией понимаются сигналы, поясняющие код сообщения и отношения между собеседниками, то грамматические термины можно считать метакоммуникативными включениями, в первую очередь, сигнализирующими о коде сообщения [Bateson, 2009, p. 170].

Задачей настоящего параграфа является характеристика особенностей терминологии в грамматических сочинениях И.К. Готшеда и И.М. Греча и выявление на этой основе механизмов метакоммуникативного взаимодействия метаязыков – латинской, немецкой и русской грамматической терминологии.

Грамматический дискурс в европейских странах связан с борьбой национального языка с латынью. Вплоть до середины XVIII века в Германии латынь не утратила позиций универсального языка науки, в том числе и в области языкознания и филологии. Попытки сделать немецкий языком науки требовали комментариев, к которым прибегали, например, Х. Вольф, И.К. Готшед, И.К. Аделунг, высказываясь о богатстве немецкого языка, о его способности заменить латынь и даже о превосходстве немецкого над латынью. Сама необходимость апологии национального языка в сочинениях по философии и языкознанию свидетельствует об еще не утвердившемся статусе национального языка (в нашем случае немецкого) как языка науки и об обстановке борьбы с латынью.

Для русского языка ситуация выглядела несколько иначе. Несмотря на использование латыни в научной среде, основой русского литературного языка был церковнославянский русский язык, но его средств было недостаточно для создания терминологического аппарата лингвистической науки [Винокур, 1959, с. 111]. При формировании языка науки в России в XVIII веке влияние на русский язык оказывали языки-посредники, посредством которых в Россию проникало европейское знание. Такими языками-посредниками были немецкий, французский, позже английский. Но вторая половина XVIII века характеризуется преобладанием пуристических тенденций, идей самодостаточности русского языка (А.П. Сумароков, И. Курганов, В.Н. Татищев и др.) [Косенко, 2004, с. 9]. Поэтому создание эквивалентов на русском для иноязычных терминов составляло важную задачу развивающейся науки о языке.

Процессы формирования грамматической терминологии связаны также с общим уровнем сформированности общенаучной лексики. Читая тексты того периода на немецком языке можно заметить, что они практически не отличаются от современных, как стилистически, так и лексически. Но вот русские тексты того периода читаются сложнее, так как и орфография, и грамматика, и лексический состав русского языка XVIII века сильно отличаются от современного русского языка. Об этом писал, например, К.А. Филиппов, сравнивая русский и немецкий тексты «Российской Грамматики» М.В. Ломоносова [Филиппов, 2009, с. 260].

Использование латинской терминологии в грамматиках европейских языков XVIII века объясняется тем, что эти грамматики создавались на основе латинских, а часто и на латинском языке. Выбор немецкого или латинского термина объясняется концепцией, которой придерживается конкретный автор. Например, И.К. Аделунг в предисловии к «Umständliches Lehrgebäude der deutschen Sprache» (1782) пишет, что старается использовать те термины, которые наиболее полно отражают суть описываемого явления, будь то латинские или немецкие термины. По его мнению, термин, полно охватывающий явление, был

создан в немецком языке только для имени существительного, поэтому он не избегал латинских слов [Филиппов, 2015, с. 50].

Исследуя взаимодействие метаязыков исследуемых грамматик можно выявить несколько механизмов.

Во-первых, и Готшед, и И.М. Греч прибегают к использованию синонимичных терминов разных языков при описании явлений языка.

В своей грамматике «Grundlegung einer deutschen Sprachkunst» Готшед дублирует названия явлений языка, приводя в скобках или примечаниях латинские эквиваленты. Например, при описании имени существительного он использует немецкий термин *das Nennwort*, в скобках дает латинское название *Nomina*, а в примечании пишет, что другие исследователи языка называют эту часть речи *der Name*. Там же Готшед поясняет, почему предпочитает *das Nennwort*, а не *der Name*. Последний включает в себя и имя существительное, и имя прилагательное, а сама лексема *Name* обозначает «названия мест и людей». Поэтому удобнее, по его мнению, использовать термин *das Nennwort* для обозначения имени существительного, которое включает в себя названия вещей.

- (1) Alle Wörter nun, die solche erste Gattung von Gedanken, der Dinge und ihrer abgesonderten Eigenschaften ausdrücken, die nennen wir Nennwörter (Nomina) b).

b) Einige Sprachlehrer haben sie lieber Namen nennen, und hernach die Substantiva und Adjectiva, durch selbständige und beyständige Namen ausdrücken wollen. Allein, da wir die Namen allemal von eigenen Namen der Örter und Menschen verstehen: so ist Nennwort bequemer, alle Benennungen der Dinge zu bezeichnen. Die Substantiva kann man Hauptwörter, die Adjectiva aber Beywörter nennen, wie längst eingeführet ist. [G., S. 146]

И.М. Греч в «Готшедовой немецкой грамматике» использует заимствованные термины вместе с русскими.

- (2) Словъ, изъ которыхъ состоитъ речь, и кои для того называются *Части слова*, (Redetheile) есть девять: 1) Членъ (*das Geschlechtswort*), 2) Имя (*das Nennwort*), 3) Местоимение (*das Fürwort*), 4) Глагол (*das Zeitwort*), 5) Причастие (*das Mittelwort*), 6) Наречие (*das Nebenwort*), 7)

Предлогъ (das Vorwort), 8) Союзъ (das Bindewort), 9) Междометие (das Zwischenwort). [Г., с. 23]

В приведенном примере немецкие термины взяты из грамматики Готшеда, а русские – аналогичны тем, что приводит М.В. Ломоносов в «Российской грамматике». Нужно отметить, что имя прилагательное еще не отделено от имени существительного и не является самостоятельной частью речи.

В самом начале грамматики И.М. Греча, где приводится членение учебника, используются сразу 3 эквивалентных термина разного происхождения – латинского, русского и немецкого:

- (3) Она [Грамматика] разделяется на 4 части. I. на Орфографию или правописание (die Rechtschreibung). II. на Етимологию – произведение словъ (die Wortforschung). III. на Синтаксисъ – сочинение словъ (die Wortfügung). IV. на Просодию – ударение словъ (die Tonmessung). [Г., с. 1]

Прием дублирования термина на нескольких языках (на немецком и латыни у Готшеда, на немецком и русском у И.М. Греча) можно считать одним из механизмов метакоммуникации – проверкой кода сообщения. В случае грамматики Готшеда – это проверка кода коммуникации между автором и читателем, а в случае грамматики И.М. Греча, это проверка кода между грамматиками (оригиналом и переводом), то есть между метаязыками.

Обратимся к уровню сформированности терминологии. Язык грамматики Готшеда довольно современен. Однако у него встречаются архаичные термины, например, степени сравнения прилагательных называются *Vergleichungsstaffeln*, а сами прилагательные – *Beywörter*: «Von den Vergleichungsstaffeln (gradibus comparationis) der Beywörter» [G., S. 256]. Оба термина являются устаревшими, и в современном немецком языке не используются.

И.М. Греч заимствует у Готшеда термин *Vergleichungsstaffeln*, но не приводит латинского обозначения степеней сравнения, которые используются в современной лингвистике.

- (4) По сему находятся 3 степени уравниения: первый *положительный* (die Erste Vergleichungsstaffel), когда какой вещи просто свойство при-

писывается, какъ: Silber ist schwer *серебро тяжело*; второй *уравнительный* (die Zweyte Vergleichungsstaffel), когда нечто въ сравнении съ прежнимъ однимъ степенемъ выше полагается, на пр. Bley ist schwerer *свинецъ тяжелее*; третий *превосходительный* (die Dritte Vergleichungsstaffel), когда какой высочайший степень приписывается, на пр. Gold ist das schwereste *золото наитяжчайшее*. [Г., с. 98]

И в грамматике Готшеда, и в грамматике И.М. Греча описывается устаревшая падежная система – в ней шесть падежей, а не четыре, как в современном немецком языке [G., S. 156]:

- (5) Casus Nominativus, der Nennfall, oder die Nennendung;
 - Genitivus, der Zeugefall, oder die Zeugendung;
 - Dativus, der Gebefall, oder die Gebendung;
 - Accusativus, der Klagefall, oder die Klagendung;
 - Vocativus, der Ruffall, oder die Rufendung;
 - Ablativus, der Nehmefall, oder die Nehmendung;

В приведенном примере Готшед дает сразу три наименования для каждого падежа: латинское и два немецких. Различие немецких наименований во второй части составного существительного: композит со вторым элементом *Fall* повторяет латинское название, а композит со вторым элементом *Endung* легче воспринимается читателем, так как указывает, что от падежа зависит окончание. В современном немецком языке используются заимствованные латинские названия.

У И.М. Греча падежная система выглядит следующим образом:

- (6) Падежей (Endungen) есть шесть.
- 1) *Именительный* (die Nennendung), который следует по вопросу wer *кто*, или was *что*? какъ der Herr *господинъ*, das Haus *домъ*.
 - 2) *Родительный* (die Zeugendung), по вопросу wessen *чей*, чья или чье? какъ des Herrn *господина*, des Hauses *дома*.
 - 3) *Дательный* (die Gebendung), по вопросу wem *кому*? какъ dem Herrn *господину*, dem Hause *дому*.
 - 4) *Винительный* (die Klagendung), по вопросу wen *кого* или was *что*? какъ den Herrn *господина*, das Haus *дома*.
 - 5) *Звательный* (die Rufendung), зоветь, какъ Herr *господин*, Haus *домъ*.
 - 6) *Относительный* (die Nehmendung), по вопросу von wem *отъ кого*?

какъ von dem Herrn *отъ господина*, von dem Hause *отъ дом*. [Г., с. 25]

Падежей здесь тоже шесть и их немецкие названия взяты у Готшеда. Русские названия падежей частично совпадают с современными русскими наименованиями (именительный, родительный, дательный, винительный). Звательный падеж как в русском, так и в немецком больше не используется. В.Е. Адодуров в грамматике русского языка «Anfangs-Gründe der russischen Sprache» (1731), описывая падежную систему русского языка, приводит семь падежей и использует их латинские названия (Nominatiuus, Genitiuus, Datiuus, Accusatiuus, Vocatiuus, Instrumentalis und Narratiuus oder Obiectiuus). У М.В. Ломоносова в «Российской грамматике» (1755) падежей шесть, и названия они имеют русские (именительный, родительный, дательный, винительный, звательный, творительный).

Мы видим живой процесс выстраивания категориального аппарата – языка описания и одновременно процесс коммуникации между несколькими мета-языками грамматик.

Готшед приводит латинский эквивалент термина, тем самым, сообщая читателю дополнительную информацию о содержании термина и давая возможность сопоставить содержание и лексическую форму. И.М. Греч заимствует немецкую терминологию Готшеда и использует русскую для облегчения понимания. Отказ от латинской терминологии в грамматике И.М. Греча приводит к тому, что сегодня она выглядит более устаревшей, чем грамматика Готшеда.

Употребление Готшедом немецких обозначений для частей речи, немецких наименований падежей наряду с латинскими можно объяснить стремлением использовать средства немецкого языка для объяснения явлений. Считается, что Готшед полностью не отказывается от использования латинской терминологии из дидактических целей, но по-разному комбинирует немецкие и латинские термины [Филиппов, 2015, с. 52].

Несмотря на стремление Готшеда сделать немецкий языком науки, для некоторых терминов в своей грамматике Готшед не подбирает немецкого эквивалента, а оставляет заимствованные слова. Например, слово *Syllbe* – это заим-

ствование из латинского (syllaba), которое и сегодня употребляется в немецком языке немного в измененном виде (Silbe):

- (7) Ohne sie nämlich, kann der Dichter kein gegründetes Urtheil, von der Länge und Kürze der Syllben fällen, und also auch von dem verschiedenen Syllbenmaaße keinen deutlichen Begriff haben. [G., S. 529]

В грамматике И.М. Греча некоторые термины тоже оставлены в виде латинизмов. Например, последняя глава грамматики называется «О просодии», хотя на протяжении всего текста грамматики для обозначения этого понятия использовалось слово «ударение»:

- (8) Къ хорошему выговору принадлежить безъ сомнения, чтобъ ко всякому слогу придавать надлежащее ударение. [Г., с. 397]

Основным путем формирования терминологического аппарата национального языка является создание собственных терминов на основе латинских. В XVIII веке под влиянием пуристических идей в Германии уход от латыни проявляется в создании большого количества немецкоязычных слов для обозначения явлений языка – разные исследователи языка использовали разную терминологию для описания одних и тех же понятий, что затрудняло читателю понимание их трактатов. Большинство немецкоязычных терминов, появившихся в ту эпоху, сегодня заменено латинизмами. В России метаязык лингвистики в тот момент также был еще в стадии становления, поэтому многие термины, которые встречаются в грамматике И.М. Греча и других грамматиках XVIII века, со временем были заменены. В исследуемых грамматиках часто встречается дублирование терминов разных языков при описании явлений языка. Это делалось из дидактических соображений (для облегчения понимания), а также это явление можно считать взаимодействием метаязыков.

§ 2 Метакоммуникативные включения как элементы структурной организации текста

Структура текста – это его внутренняя организация и отношения между его частями, обеспечивающие его целостность. В основе элементов структурной организации текста лежат семантические факторы. В письменном тексте это выражается графически, а в устном – интонационно.

Анализируя текст, разные исследователи по-разному выделяют его структуру. Согласно Т. Ван Дейку дискурс, а также текст, имеет макроструктуру и микроструктуру, то есть состоит из больших частей и малых элементов, и на каждом уровне действует своя система связей. Макроструктуры – это семантические глобальные единства в дискурсе (главы, части в тексте). Микроструктуры проявляются на локальном уровне (слова, фразы, предложения) [Dijk van, 1980, p. 27–30].

З.Я. Тураева предлагает вычленять глубинную и поверхностную структуры текста. «Глубинная структура текста – идейно-тематическое содержание текста, сложное переплетение отношений и характеров, в основе которых лежит художественный образ. Поверхностная структура – лингвистическая форма, в которую облечена глубинная структура» [Тураева, 1986, с. 56]. Также З.Я. Тураева рассматривает темпоральную структуру текста, которая различается в художественном и научном тексте. «Темпоральная структура текста – это сеть отношений, связывающая языковые элементы, включающиеся в передачу временных отношений и объединенные функциональной и семантической общностью» [Тураева, 1986, с. 86].

И.Р. Гальперин предлагает два типа членения текста: объемно-прагматическое и контекстно-вариативное. Объемно-прагматическое членение текста подразумевает членение текста на элементы (тома, главы, части, абзацы), а контекстно-вариативное – на формы речетворческих актов, такие как речь автора, повествование, описание, рассуждение, чужая речь, цитация [Гальперин, 2006, с. 52].

Метакоммуникативные включения встречаются чаще всего на границах структурных элементов текста. Они вводят новую тему, используются при иллюстрации правил, при перечислении, в выводах.

Введение новой темы в исследуемых грамматиках выглядит по-разному. У Готшеда, как правило, тему вводит один или несколько поясняющих параграфов, а уже потом следует правило или правила. У И.М. Греча же, в основном, о начале новой темы сигнализирует напечатанный более крупным кеглем заголовок, а сразу за ним следуют правила. В качестве примера можно привести введение темы «Долгие и краткие гласные»:

(9) **Von der Länge und Kürze der Selbstlauter.**

6 §. Man muß aber bey den Selbstlautern sonderlich anmerken, daß sie im Deutschen eben sowohl, als in andern Sprachen, bey einerley Gestalt, einen verschiedenen Laut haben. Wir wollen denselben nur zwiefach abtheilen, und ihn bald kurz, oder scharf; bald lang, oder gezogen nennen: ungeachtet man noch genauer gehen könnte; wie die Hebräer thun. [...]

7 §. Will man aber eine nähere Vorschrift haben, wenn die Selbstlauter lang oder kurz ausgesprochen werden; so merke man folgende Fälle:

I. Lang sind die Vocalen, [...]

II. Kurz hergegen sind die Selbstlauter in der Aussprache: [...].

[G., S. 39]

(10) Гласные буквы выговариваются иногда протяжно, иногда кратко.

I) Протяжно выговариваются оне: [...]

II) Кратко выговариваются гласные буквы: [...]. [Г., с. 8]

Из приведенных примеров видно, насколько текст перевода сокращен, в нем сохранены только сами правила. Как таковых метакоммуникативных включений, сигнализирующих о начале новой темы, здесь нет, но союзы *bald* ..., *bald* ... и *иногда*..., *иногда* ... можно считать маркерами, обозначающими, что далее последует разъяснение.

Важную роль в организации текста играют ретроспекция и проспекция. Согласно И.Р. Гальперину «ретроспекция – грамматическая категория текста, объединяющая формы языкового выражения, относящие читателя к предшест-

вующей содержательно-фактуальной информации» [Гальперин, 2006, с. 106]. Проспекция отсылает читателя к той информации, о которой будет сообщено позже. Проспекция, как и ретроспекция, помогает читателю яснее представить себе взаимосвязь эпизодов и событий в повествовании.

Проспекция и ретроспекция в тексте осуществляются с помощью анафоро-катафорических связей. Анафора отсылает к прежде сказанному, а катафора соответственно – к следующим частям, главам или разделам сочинения.

В текстах исследуемых грамматик довольно часто встречаются метакоммуникативные включения, сигнализирующие об анафоро-катафорических отношениях в тексте. В отличие от художественного текста, где анафоро-катафорические связи могут быть выражены словосочетаниями и фразами типа *ему вспомнилось, раньше он не бывал там, он и не подозревал, что..., позже он узнал*, в научных текстах они выражены, как правило, однотипными повторяющимися выражениями – *obige Regeln, oben erklärte Wörter* в грамматике Готшеда; *о которых ниже объявлено будет, как и вышеобъявленные* в грамматике И.М. Греча и выполняют функцию напоминания или предуведомления.

Приведем пример анафорической связи в грамматиках И.К. Готшеда и И.М. Греча:

- (11) Nun will ich schließlich das versprochene Verzeichniß derjenigen Hauptwörter hersetzen, die nach den obigen Regeln nicht bestimmt worden, auch sonst schwerlich unter einige Regeln zu bringen sind. [G., S. 220]
- (12) Понеже есть такая имена существительныя, которыхъ роды по выше объявленнымъ правиламъ неопределенны, и трудно подвести ихъ подъ некоторыя правила, хотя оныя ежедневно въ речахъ и въ писме случаются, то не излишно сообщить здесь списокъ онымъ, который надлежитъ затвердить въ памяти, читая съ прилежаниемъ оныя слова, и повторяя всегда въ начале оныхъ стоящия члены. [Г., с. 54]

В грамматике И.М. Греча отрывок из Готшеда переведен без отступлений, но у Готшеда *obig* – это прилагательное, характеризующее существительное *Regeln*, а И.М. Гречу приходится добавить причастие *объявленным*, так как

наречие *выше* не может полностью передать контекстуальный смысл немецкого прилагательного *obig*.

Прилагательное *obig* согласно словарю Дуден [Duden] относится к канцелярскому немецкому языку и употребляется и в современном немецком. Выражение *выше объявленный*, использованное в грамматике И.М. Греча, является устаревшим, в современном русском языке это выражение заменили выражения типа *вышеупомянутый*, *ранее приведенный*.

В.Е. Адодуров в грамматике «Первые основания русского языка» впервые затронул вопрос о функциональной и стилистической дифференциации языка [Арискина, 2013, с. 10]. Лексемы типа *вышеобъявленный*, *вышеставленный*, *частьупомянутый* относились скорее к деловому стилю, но использовались и в научной литературе. Ср. отрывки из «Указа императрицы Елизаветы Петровны об учреждении Московского Университета» (1755) и «Истории российской» В.Н. Татищева (1768): «...упомянутый наш действительный камергер и кавалер Шувалов, о учреждении вышеобъявленного в Москве Университета для дворян и разночинцев, по примеру европейских университетов...» [Минаева, 2003, с. 35]. «Между вышеобъявленными же птоломеевыми сарматами и скифами, видится, многие славянские народы смешаны...» [Татищев, 1769, с. 303].

Возможно, употребляя лексику, принадлежащую к деловому стилю, авторы научных сочинений придавали им большую степень научности, неоспоримости.

В.Е. Адодуров пишет, что такие слова могут писаться как слитно, так и раздельно [Арискина, 2013, с. 10]. В грамматике И.М. Греча можно встретить и такое написание:

- (13) Еще другой родъ именъ прилагательныхъ суть причастия, о которыхъ ниже объявлено будетъ. Такжеже многия происходятъ отъ глаголовъ, оканчивающияся такимижъ, какъ и вышеобъявленныя, слогами. [Г., с. 88]

Учитывая различия написания одного и того же слова в разных текстах одного периода и даже в одном и том же тексте, можно сделать вывод, что научный стиль русского языка находился еще в стадии формирования.

В приведенном выше примере присутствуют и другие метакоммуникативные включения, сигнализирующие об анафоро-катафорических связях в тексте. Помимо уже проанализированного причастия *вышеобъявленный* здесь есть фраза *о которых ниже объявлено будет*. Это выражение, в отличие от рассмотренного выше, является катафорой. В данном случае это уже не сочетание двух слов, а полноценное придаточное определительное предложение.

У Готшета данное правило выглядит следующим образом:

- (14) Doch es giebt noch viele andere, die nach Art der obigen, mit den Endsyllben gebildet werden. [G., S. 247]

В этом предложении Готшета анафорическая конструкция выражена атрибутивным словосочетанием с опущенным существительным. Также следует заметить, что и здесь Готшед употребляет прилагательное *obig*, которое придает тексту определенную стилистическую окраску.

Еще один пример анафорической связи элементов текста в грамматике И.М. Греча:

- (15) Некоторые отступления, о которыхъ въ §. II. упомянуто, превращаютъ въ преходящемъ времени сослагательнаго наклонения букву а въ ä. [Г., с. 221]

Здесь опять использовано придаточное определительное предложение с анафорическим значением. Параллельное место в грамматике Готшета найти не удалось, следовательно, этот отрывок И.М. Греч добавил для носителей русского языка, изучающих немецкий по его грамматике.

Готшед варьирует словосочетания и выражения, маркирующие анафоро-катафорические связи. Кроме прилагательного *obig* он использует, например, словосочетание наречия и причастия *oben erklärte*:

- (16) Zuvörderst nun so zeigen schon die oben erklärten Geschlechtswörter der, die, das; einer, eine, ein, die Geschlechter der Hauptwörter an: welches Ausländern im Lesen und Verstehen keine geringe Hülfe giebt. [G., S.

В грамматике И.М. Греча этот же эпизод переведен уже рассмотренным причастием с наречием *выше объявленный*:

- (17) Какъ выше объявленные члены *der, die, das; ein, eine, ein* означиваютъ роды именъ существительныхъ, то хотя, читая хорошия книги, или слыша разговоры въ областяхъ чистотою языка и произношения другия превосходящихъ, и не должно сомневаться, котораго рода какое слово; однако въ собственныхъ разговорахъ можно часто не знать, что надлежитъ сказать *der, die* или *das*; да и природные Немцы въ некоторыхъ провинцияхъ привыкли говорить неправильно. [Г., с. 41]

Метакоммуникативные включения используются для иллюстрации правил, они сигнализируют читателю, что после них следует объяснение:

- (18) Nach allen langen Selbstlautern setze man einfache, nicht aber doppelte Mitlauter.
Z.E. in Schlaf, Schaf, Graf, Strafe, Vater, los, Loos, Mäuse, Moos, u.d.gl. setze man einfache Mitlauter; obgleich viele aus übler Anführung ihrer ersten Schreibmeister, Schaff, Graff, Schlaff, straffen, Vatter, loß, Looß setzen. [G., S. 78]
- (19) После всехъ протяжныхъ гласныхъ, также и после протяжныхъ доегласныхъ, надлежитъ ставить одинакия, а не двойныя согласныя на пр. *Schaf, los, Schmaus [...]*. [Г., с. 12]

В грамматике Готшеда чаще всего для введения примера используется сокращение *z.E.*, в «Готшедовой немецкой грамматике» И.М. Греча – сокращение *на пр.* Использование этих и других сокращений дает право предположить, что язык науки на том этапе развития немецкого и русского языков уже в какой-то мере был сформирован. Сокращения в текстах научного стиля должны быть известны читателям, а в исследуемых грамматиках нет списков сокращений, из чего следует, что они не придуманы авторами, а являются общепринятыми.

Сокращение *z.E.*, использованное Готшедом, является латинизмом и в современном немецком языке уже не употребляется. Факт использования такого сокращения опровергает утверждение Готшеда о том, что немецкий язык спо-

собен передать любое значение своими средствами, не прибегая к использованию заимствований.

Сокращение *на пр.*, использованное в грамматике И.М. Греча, употребляется и в современном русском языке, но имеет здесь устаревшую орфографию – сейчас оно пишется слитно. Кроме того, это вводное слово не всегда обособляется запятыми. На этом основании можно сделать вывод, что пунктуационная система русского языка на тот момент сложилась еще не полностью.

Вторым способом введения примеров является союз *как (wie)*. Он используется при сравнении, например, произношения звуков конкретных словах:

- (20) Ä, oder ä, wie ein halbes a und halbes e, wie träge, wäre; nicht wie ee, in See, obgleich einige das wäre wie weere sprechen. Man schreibe aber das ä nicht getrennt ae, wie einige diese Neuerung haben anfangen wollen; weil wir ja das ä in Druckereyen haben; und z.E. in Danae, Pasiphae, Phaeton u.d.gl. gewohnt sind, beydes besonders hören zu lassen. [G., S. 43]

- (21) Ae выговаривается почти как *e* или *e*, и пишется мелкими буквами ä на пр. älter елтеръ. [Г., с. 3]

Другие сокращения, которые используют и Готшед, и И.М. Греч – это *и пр.* (и прочее), *u.d.gl.* (und das gleiche), *u.a.m.* (und anderes mehr), *u.s.w.* (und so weiter). Они используются не для введения примеров, а с семантикой незавершенности:

- (22) Denn wenn wir ihn [X] gleich bisweilen mit chs ersetzen können, wie in Achse, AXIS, Luchs, von LYNX, sechs, SEX, u.a.m. zu geschehen pflegt: so können wir ihn doch in den Namen der Griechen, Xanthus, Xerxes, Anaxagoras, Praxiteles, u.s.w. nicht entbehren. [G., S. 33]
- (23) Въ прочихъ немецкихъ словахъ вместо *x* поставляется *chs*, и выговаривается какъ *кс*, на пр. Achse *аксе*, Wachs *ваксъ*, Luchs *луксъ*, и пр. [Г., с. 7]

В текстах грамматик встречаются метакоммуникативные включения с функцией завершения мысли. Они используются в конце глав или частей и сигнализируют читателю о том, что после них последует вывод, а затем новая тема:

- (24) Endlich sind in der vielfachen Zahl allein folgende gewöhnlich: Die

Ältern, Ahnen, Alpen, Graupen, Hefen, Leute, Ostern, Pfingsten, Schloßen, Trebern, Weihnachten. Außer diesen pflegt man zwar die Bohnen, Capern, Erbsen, Gurken, Linsen und Schoten mehr in der vielfachen Zahl zu brauchen: sie haben aber deswegen doch auch die einfache zugleich. Zuletzt giebt es noch abweichende Abänderungen (ANOMALIA): z.E. von dem Worte Mann, wenn es mit etwas zusammengesetzt ist [G., S. 245]

- (25) Напоследокъ есть слова, кои называются несходственными (Abweichende) на пр. когда слово Mann мужъ съ чемъ нибудь сложено бываетъ. [Г., с. 86]

Как правило, метакоммуникативные включения с этой функцией выражены в исследуемых грамматиках наречиями с семантикой завершения: *endlich*, *zuletzt*, *напоследок*.

Метакоммуникативные включения с функцией структурной организации текста многочисленны и многообразны. В исследуемых грамматиках самые наиболее часто встречающиеся из них – это маркеры начала новой темы, маркеры анафоро-катафорических связей, маркеры введения примера и маркеры завершения темы. Анализ этих групп метакоммуникативных включений позволяет сделать вывод, что немецкий и русский языки науки уже были в какой-то степени сформированы к моменту появления грамматик. Но использование латинизмов Готшедом и непоследовательность в орфографии и пунктуации у И.М. Греча сигнализируют о еще неокончательной сформированности научного языка.

§ 3 Паралингвистические метакоммуникативные включения в грамматиках И.К. Готшеда и И.М. Греча

Задача настоящего параграфа охарактеризовать паралингвистические средства организации текста и их метакоммуникативные функции.

К неязыковым формам метакоммуникативных включений в исследуемых грамматиках относятся графические средства организации текста и нумерация. Различные по размеру и толщине линии шрифты, расположение текста по центру страницы, римские и арабские цифры в нумерации разделов, графические символы для обозначения параграфов и примечаний можно считать метакоммуникативными элементами, поскольку их задача – представить читателю соподчиненность и иерархию элементов текста.

Графические средства являются дополнительным средством логической организации текста, в том числе научного. Шрифтовые графические приемы в тексте – это компрессионные средства выделения значимой и подчиненной информации [Алексеева, 2004, с. 268]. С помощью этих средств создается структурированный визуальный образ текста, значимая информация видна читателю еще до прочтения текста. С помощью визуальных средств достигается эффект привлечения внимания, что можно считать коммуникативной функцией текста.

• 4. §. Aus der Natur der Syllben also, die aus Buchstaben zusammengesetzt werden müssen; fließt die 1ste orthographische Regel; die schon Quintilian (L. 1. c. 7.) gegeben hat:

Erste Regel.

Man schreibe jede Sylbe mit solchen Buchstaben, die man in der guten Aussprache deutlich hört.

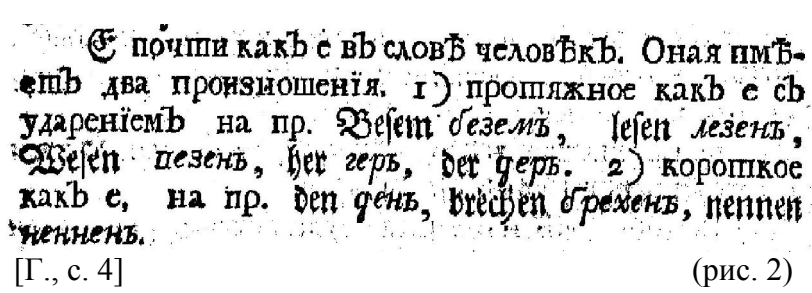
Denn die Schrift ist ja in ihrem Ursprunge dazu erfunden worden, die Töne des Mundes abzubilden und sichtbar zu machen. So wenig es also einem Sänger erlaubt ist, seine Melodie mit andern Noten zu schreiben, als die er im Singen will hören lassen: so wenig darf ein Redender, sich im Schreiben andrer Buchstaben bedienen, als zu den ausgesprochenen Tönen gehören; und daraus andre, die seine Schrift lesen werden, setzen können, wie er gesprochen hat: c).

[G., S. 60]

(рис. 1)

В исследуемых грамматиках используются различные возможности графического оформления текста. Например, в «Grundlegung einer deutschen Sprachkunst» И.К. Готшеда параграфы и примечания к ним напечатаны разным кеглем – примечания напечатаны более мелким кеглем, чем основной текст, номер правила вынесен в центр страницы, а само правило напечатано полужирным шрифтом (рис. 1).

В «Готшедовой немецкой грамматике» И.М. Греча курсивом выделяются транскрипции немецких слов, набранные кириллицей, перевод немецких слов на русский, иногда курсивом выделяются правила

 [Г., с. 4] (рис. 2)

(рис. 2).

Полужирный шрифт у И.М. Греча не используется, но заголовки частей и глав обозначаются более крупным кеглем. Отсутствие полужирного шрифта замечено и в «Российской грамматике» М.В. Ломоносова (1755). Причиной этому могут быть особенности книгопечатания той эпохи. Выделение заголовков глав и частей осуществляется с помощью прописных букв и увеличенного кегля.

Одним из способов структурной организации текста, как на визуальном, так и на логическом уровне является нумерация. Считается, что нумерация однородных элементов текста является отличительной чертой научного и официально-делового стилей, для которых важна однозначность, четкая структурированность, иерархичность в подаче информации, а также лаконичность. В текстах словесно-художественного стиля нумерация, как и ряды однородных членов, встречаются гораздо реже, и в большей степени как особый стилистический прием [Стилистический..., 2003, с. 475].

В современных коммуникативных методиках нумерация понимается как эффективный прием, облегчающий усвоение материала и удерживающий внимание аудитории. Считается, что прием подачи информации в виде «три правила», «пять способов», «десять признаков» гораздо привлекательнее для слушателя, информация, расположенная компактными абзацами под номерами в тексте или в презентации, выглядит более емкой и обозримой.

В грамматиках Готшеда и И.М. Греча нумерация выступает в качестве одного из примеров структурной организации текста. Пронумерованы части, главы, разделы. Отдельная нумерация используется для обозначения правил и параграфов.

Если сравнить приемы нумерации в грамматиках Готшеда и И.М. Греча, то видны некоторые различия, связанные как с различными объемами двух книг, так и с целями их создания.

16. §. Endlich ist noch der Gemüthszustand eines Redenden bisweilen zu bestimmen nöthig. Denn da der Mensch oft in Leidenschaften oder Gemüthsbewegungen steht; und selbige gern andern zu verstehen geben will: so hat man auch solche kleine Wörter erdenken müssen, die solches andeuten konnten. Z. E. O! Ach! Weh! Weg! Psay! Siehe! Lustig! u. d. gl. Weil nun diese Art der Bestimmungswörter keine besondre Stelle hat; sondern nur zwischen die andern gesetzt wird, wo sie sich hinschicket: so haben sie den Namen der Zwischenwörter, (Interjectiones) bekommen p).

p) Es wäre zu wünschen, daß man auch dieser Wörter Natur etwas näher, als die Lateiner, bestimmen könnte. Allein da sich keine bequemere Benennung finden will: so muß man es bey der lateinischen bewenden lassen, ob sie gleich gar zu allgemein ist, und allen vorhergehenden auch zukömmt; ja sich auf diese nicht allemal schicket. Z. E. Wenn man ruhet, Ach! O weh!

[G., S. 153]

(рис. 3)

Примечания в грамматике Готшеда занимают значительный объем. В примечаниях, как правило, Готшед ссылается на авторитетных авторов, дает пояснения, связанные с историей языка, иногда дополнительно комментирует описанное в параграфе правило.

Гласныя буквы выговариваются иногда протяжно, иногда кратко.

1) Протяжно произносятся оны:
1) На самомъ концѣ односложныхъ словъ на пр. ja я, da да, so со, du ты, zu zu, или когда одно только h послѣ оной слѣдуетъ на пр. sah за, roh ро, Schuß шу.

2) Когда въ слогѣ послѣ гласной буквы h слѣдуетъ на пр. Wahl палъ, Mehl мѣлъ, gehen гегенъ, zahlen цалень, Uhr урь.

[Г., с. 8]

(рис. 4)

полнительно выделяет фрагмент (рис. 4).

В грамматике И.М. Греча примечания тоже приводятся сразу после того правила или тезиса в тексте, к которому они относятся. Но они, в отличие от готшедовых, не помечаются буквами, а обозначаются словом *Примечание* или

В грамматике Готшеда используется нумерация параграфов арабскими цифрами и знаком §. Примечания даются после каждого параграфа и помечаются прописной латинской буквой со скобкой. В иерархии знаков нумерации буква занимает подчиненное положение по отношению к цифре (рис. 3).

Примечания в грамматике

И.М. Греч использует римские цифры со скобкой для нумерации правил, арабские – для нумерации подразделов правил. Иногда рядом с римской цифрой правило набирается курсивом, что до-

сокращением *примеч.* Если примечаний к одному фрагменту несколько, то ставится номер (рис. 5).

В какъ ф, на пр. Vater фатеръ.
Примѣч. 1) Онаѣ буква упоиребляеѣся въ предлогахъ *bei* феръ, и *vor* форъ, на пр. *verlassen* ферластѣ, *vorsetzen* форзетцѣ, а передъ согласною также передъ *v*, *e*, *u* и на концѣ слога или цѣлаго слова никогда не пишѣтся, но всегда *f*, выключая слова *Blies* флисъ, и *Bliesingen* Флиссингенъ.
Примѣч. 2) Никакое нѣмецкое слово на *v* не кончиѣся кромѣ иностранныхъ словъ на пр. *Vositiv* позитивъ, *Vomitiv* домитивъ, *Creditiv* кредитивъ.
Примѣч. 3) Въ словѣ *vier* четыре пишѣтся *v*, а въ словѣ *sir* за, *f*, также *viel* мною принимаѣтъ *v*, а *fiel* упалъ; *f*.
 [Г., с. 7] (рис. 5)

Наклонѣе сослагательное.
 Время наспоящее I. (*)
 Число единственнос.
 Даѣ *ich* сѣ; даѣ *du* Чѣто я есмь, или чѣтобъ
senst; даѣ *er, sie, es* я былъ (была); чѣто пѣ
sen. еси, или чѣтобъ ты былъ
 (была); чѣто онъ, она
 оно естъ, или чѣтобъ онъ
 былъ, она была, оно
 было.
 (*) Бываѣтъ сопрягаемо съ предвѣдущимъ
 речѣнѣмъ, и выражаѣтъ глаголы возноспелнымъ
 образомъ, также и будущее однократное. Сѣе разумѣтъ
 должно о сихъ же временахъ прочихъ
 глаголовъ.
 [Г., с. 147] (рис. 6)

В «Готшедовой немецкой грамматике» И.М. Греча есть также примечания, вынесенные вниз страницы. Постраничные примечания помечены символом звездочка (*) (рис. 6).

Такие примечания встречаются в тех фрагментах грамматики, где приводятся примеры спряжения или склонения и невозможно поместить примечание сразу за комментируемым фрагментом.

И.М. Греч практически всегда опускает комментарии Готшеда к правилам (которые касаются, чаще всего, истории языка или содержат

ссылки на литературу) и часто даже не приводит примеров, в связи с этим грамматика И.М. Греча по объему почти в два раза меньше грамматики Готшеда. При переработке грамматики И.М. Греч оставил только основные правила, исключил обширные комментарии Готшеда, которые, вероятно, по мнению И.М. Греча, не нужны были русским обучающимся. Но в грамматике И.М. Греча есть и такие места, которых нет у Готшеда, то есть некоторые фрагменты текста добавлены И.М. Гречем именно для русских учеников. Примечания у И.М. Греча носят пояснительный характер, но в отличие от примечаний Готшеда они не несут в себе исторических справок и ссылок, а лишь комментируют приведенное выше правило. В отличие от источника перевода, примечания И.М. Греча выполняют сугубо прагматическую задачу.

Обе исследуемые грамматики, и «Grundlegung einer deutschen Sprachkunst» И.К. Готшеда, и «Готшедова немецкая грамматика» И.М. Греча, обладают богатой визуальной структурой. Благодаря графическим средствам, нескольким порядкам нумерации (римскими и арабскими цифрами, буквами), выделению примечаний и параграфов специальными символами (§ и *) создается образ строгого, иерархически организованного текста, как горизонтально (от главы к главе, от правила к правилу), так и вертикально (от правила к комментариям, от комментариев к примечаниям). Кроме того, такой текст гораздо легче воспринимается читателем, чем неструктурированный текст. Уже упоминалось, что И.К. Готшед писал «Grundlegung einer deutschen Sprachkunst» для простых носителей немецкого языка, то есть им необходимо было наглядное пособие, которое легко было бы воспринимать. Также и «Готшедова немецкая грамматика» И.М. Греча создавалась для воспитанников Морского шляхетного кадетского корпуса, и им тоже легче было изучать немецкий язык по понятному, хорошо структурированному учебнику.

§ 4 Метакоммуникативные включения, выражающие авторское начало

Образ автора – это совокупность стилистических приемов, которые формируют в сознании читателя образ создателя произведения. Образ автора художественного текста, по мнению В.В. Виноградова, – это концентрированное воплощение сути произведения [Виноградов, 1971, с. 154]. Л. Толстой считал, что образ автора – это нравственное самобытное отношение автора к предмету изложения [Толстой, 1951, с. 18–19]. Чаще всего образ автора исследуется на материале художественной литературы, но он присутствует и в научных текстах.

В отличие от художественного текста автор научного труда не скрывается за псевдонимом или героем-рассказчиком. Автор научного текста может отстраняться, употребляя обобщающее «мы» или используя безличные пассивные конструкции, но он, все равно, высказывает свою точку зрения и отношение.

Как и любой другой стиль речи, научный стиль имеет свои особенности. Одним из главных принципов научного текста является объективность и аргументированность. Х. Вайнрих ввел понятие общенаучных максим, характерных для научных текстов: «запрет на авторизацию» («das Ich-Verbot»), «нарративный запрет» («das Erzähl-Verbot»), «запрет на метафору» («das Metaphern-Verbot») [Weinrich, 2006, S. 235]. Он выделял максимы в основном для текстов естественно-научной направленности, но они применимы и к лингвистическим текстам (см. стр. 13).

Под «запретом на авторизацию» подразумевается обезличивание текста, устранение прямого указания на автора, так как любой научный труд является вкладом в общее знание, а не индивидуальным творческим актом. «Запрет на метафору» объясняется необходимостью однозначного и точного изложения. А метафора считается признаком «ненаучности» [Niederhauser, 1999, S. 73]. «Нарративный запрет» опять же объясняется отличиями научного текста от художественного. «В научном тексте должна преобладать логическая линия рассужде-

ния, а не темпоральные связи между пропозициями» [Нефедов, 2014б, с. 10–12].

Но нужно отметить, что приведенные выше «запреты» не являются абсолютными. Каждый текст, и научный в частности, создается конкретным автором, а каждый авторский стиль имеет свои особенности, стилистические, грамматические, лексические. Поэтому эти «запреты» – выражение общей тенденции.

В рамках истории культуры показано, что научные тексты, несмотря на стремление к универсальности, обладают национально специфическими отличиями [Бёрк, 2015, с. 198]. В.Е. Чернявская рассматривает этот феномен с лингвистической точки зрения. Считается, что научные тексты, написанные носителями немецкого языка и культуры, в отличие, например, от англо-саксонской, более развернуто описывают традицию и предшествующие исследования перед тем, как перейти к сути самого исследования [Чернявская, 2012, с. 158] (см. стр. 12).

Задача настоящего параграфа – охарактеризовать лингвистические особенности метакоммуникативных включений, раскрывающих авторское начало в тексте.

Граматики «Grundlegung einer deutschen Sprachkunst» И.К. Готшеда и «Готшедова немецкая грамматика» И.М. Греча являются типичными грамматиками XVIII века. Но различие целей их авторов накладывает отпечаток и на общий стиль изложения. Так, грамматика И.К. Готшеда – это в большей степени трактат о немецком языке, нежели учебное пособие. Поэтому в ней большой объем занимают исторические ссылки, рассуждения философского характера, отступления автора. К тексту Готшеда научные максимы Х. Вайнриха не применимы, так как это не просто научный текст, а философское сочинение. В тексте очень часто встречаются высказывания от первого лица единственного и множественного числа: *Ich weiß wohl, was ...; das habe ich schon oben beantwortet; ich weiß es wohl, dass ...; wie wir schreiben; wir müssen verwandeln; wir können auch dazu rechnen.*

И.К. Готшед использует образные средства языка при описании правил и норм. Например:

- (26) So wenig es also einem Snger erlaubt ist, seine Melodie mit andern Noten zu schreiben, als die er im Singen will hren lassen: so wenig darf ein Redner sich im Schreiben anderer Buchstaben bedienen, als zu den ausgesprochenen Tnen gehren; und woraus andere, die seine Schrift lesen werden, sehen knnen, wie er gesprochen hat. [G., S. 60]

При описании «запрета на нарративность» Х. Вайнрих допускал использование повествовательных конструкций при описании исторических событий или упоминании исторических личностей. В этих ситуациях присутствует нарратив и у И.К. Готшеда:

- (27) Denn obgleich Ulfila, der gothische Bischof, im IV Jahrhunderte, bey bersetzung der IV Evangelisten, seinem Volke zu gut, eigene gothische Buchstaben erfunden hat; ob wohl die alten Marcomannen auch ihre eigenen Buchstaben; ja auch die Angelsachsen ihr schsisches, so wie die alten Schweden und Islnder ihr runisches Alphabeth gehabt; welche man die ursprnglichen Buchstaben der Deutschen nennen knnte: so haben doch, vermge der Ausbreitung des Christenthums, die lateinischen endlich die Oberhand behalten; und allmhlich durch die Mnchschrift, eine neue Forme und Gestalt bekommen. [G., S. 27]

Текст И.М. Греча более строгий в научном плане, поэтому в нем можно увидеть основные особенности научного текста, сформулированные Х. Вайнрихом. О себе в первом лице он пишет всего один раз:

- (28) ... желающие знать оные правила могут читать о оных вь сочиненной мною пространной Грамматике. [Г., с. 398]

Использование метафор и нарратива у И.М. Греча также сведено к минимуму. В основном, это происходит благодаря сокращению текста Готшеда.

В грамматиках Готшеда и И.М. Греча упоминаются носители правильной речи или, напротив, те, кто делают в языке ошибки и погрешности. Авторы апеллируют к ним, спорят с ними, приводят в пример. Позволительно назвать их субъектами языка, использовав для этого философскую трактовку понятия субъекта как источника деятельности, активности, в отличие от объекта, над

которым производится действие. Характеристика субъектов языка несет в себе метакоммуникативную задачу, так как содержит информацию об источниках и образцах описываемых правил и норм, к тому же эта информация оценочно окрашена, то есть позволяет нам приоткрыть систему взглядов, в которой создавались оба текста. Также сравнение субъектов языка у Готшета и И.М. Греча дает дополнительные характеристики особенностям перевода.

У Готшета таких субъектов языка довольно много. На страницах грамматики И.К. Готшета встречаются слова *Poeten, gelehrte Feder, die Weltweisen, alte Schriftsteller, unsere Dichter, beste Scribenten*.

Поэтам и древним авторам у Готшета позволено использовать устаревшие нормы, но автор делает акцент на том, что у них на это есть причины:

- (29) ... selbst unsere Dichter thun sehr wohl daran, daß sie, in ihren Gedichten, auch die großen Herren mit Du anreden: denn dieses klingt viel edler, und ersparet ihnen viel Umschweife von Titeln und weitläufigen Redensarten. [G., S. 275]

На мудрецов Готшед ссылается при категориальном описании частей речи:

- (30) Nun haben aber die Weltweisen angemerket: daß es hauptsächlich dreyerley Gattungen von Gedanken giebt... [G., S. 145]

Носителей «плохого» немецкого (*schlechte Provinzen, schlechte Mundarten*) Готшед объединяет неопределенными местоимениями или существительными с обобщающими значениями: *einige schreiben sehr falsch Gebürg; andere schreiben würken; viele sagen vergülden; einige Bauern fälschlich hören lassen; einem Deutschen scheint der Franzos durch die Nase zu reden*.

Таких субъектов языка можно назвать коллективными субъектами, поскольку они объединяют большие группы людей.

Кроме того, в грамматике Готшета используются и имена собственные. Готшед называет имена, иллюстрируя правила примерами из литературы, объясняя правописание и правила чтения имен собственных. Например, часто встречаются отрывки произведений Мартина Опица, Фридриха фон Каница, Иоганна Пича.

Использование в примерах событий античной истории и мифологии, имен античных богов и героев, географических названий характеризует эрудицию потенциального читателя: *Cepheus, Cicero, Josua, Venedig, Cypern, Xerxes, Anaxagoras*.

И.М. Греч, сокращая грамматику, уменьшил и количество примеров. В его грамматике отсутствуют примеры из поэзии и вообще иллюстрация примерами некоторых правил. Выбор примеров у него прагматичен: он оставляет из примеров Готшеда те, что подходят для употребления в повседневном общении, и добавляет свои: «*Ich werde viel Mühe haben*» («Я буду много трудов иметь»), «*Wenn wir das Vergnügen werden gehabt haben, Sie bei uns zu sehen, so werden wir Sie wieder besuchen*» («Имея удовольствие вас видеть у себя, мы вас взаимно посетим»), «*Wohin eilest du?*» («Куда спешишь?»). Учениками в кадетских корпусах были дети из знатных семей, им необходимо было знать, как вести себя в обществе. Примеры, подобранные И.М. Гречем, как раз из этой сферы.

Но И.М. Греч сохраняет часть примеров, в которых использованы имена исторических личностей или героев мифов: *Давид победил Голиафа, Буцефал был любимая Александрова лошадь, Помона богиня плодов*.

У И.М. Греча стихотворцам тоже «вольно употреблять глаголы сокращенным образом» или «говорить великим господам *Ди*». Простые немцы у И.М. Греча тоже иногда «пишут весьма неправильно» или «в некоторых провинциях привыкли говорить неправильно».

Лексемы, обозначающие субъектов языка и у Готшеда, и у И.М. Греча обладают аксиологической (ценностной) модальностью, то есть несут в себе авторское отношение к тем или иным явлениям. Ярким примером тому может быть следующий отрывок из грамматики И.М. Греча:

- (31) Однакожь в произведении таковыхъ прилагательныхъ не должно делать никакихъ необыайныхъ новостей, на пр. хотя отъ bald скоро, etwa иногда, <...> и говорять baldig скорое, etwanig иногдашнее, <...>, однако когдабъ кто похотель равнымъ образомъ го-

ворить: sonstig, ohig, taumig, schonig, и пр. **то бы разумнымъ Немцамъ сие весьма смешно показалось.** [Г., с. 88]

Выделенный полужирным шрифтом фрагмент содержит наречие «*смешно*», которое не характерно для учебно-научных текстов. Используя этот оборот, И.М. Греч приводит учащимся пример реакции носителей немецкого языка на неверное словообразование. Возможно, таким образом, он смягчает запрет на суффикс *ig* при образовании прилагательных, но от этого нарушение правила не становится допустимым.

(32) Denn wenige **böse Exempel**, zumal aus **schlechten Provinzen**, können wider die Sprachähnlichkeit, und den Gebrauch **der besten Scribenten** nichts ausrichten». [G., S. 322]

(33) Немногие **худые примеры** не могут ничего произвести противу Аналогии и противу употребления **наилучшихъ писателей.** [Г., с. 231]

В обеих грамматиках нередко встречаются оценочные прилагательные, превосходные степени прилагательных, противопоставления: *böse Exempel, schlechte Provinzen, die beste Scribenten, худые примеры, наилучшие писатели.*

(34) Zuvörderst nun so zeigen schon die oben erklärten Geschlechtswörter der, die, das; einer, eine, ein, die Geschlechter der Hauptwörter an: welches Ausländern im Lesen und Verstehen keine geringe Hülfe giebt Sie dürfen also, wenn sie **gute Bücher** lesen, oder in **guten Provinzen** sprechen hören, nicht zweifeln, welches Geschlechtes ein Wort ist. Allein, im eigenen Sprechen ist das noch nicht zulänglich; weil sie oft noch nicht wissen können, ob sie der, die, oder das sagen sollen. Ja auch gebohrne Deutsche sind in gewissen Landschaften gewohnet, unrecht zu reden. [G., S. 203]

(35) Какъ выше объявленные члены der, die, das; ein, eine, ein означиваютъ роды именъ существительныхъ, то хотя, читая **хорошия книги**, или слыша разговоры **въ областяхъ чистотою языка и произношения другия превосходящихъ**, и не должно сомневаться, котораго рода какое слово; однако въ собственныхъ разговорахъ можно часто не знать, что надлежитъ сказать der, die или das; да и природные Немцы въ некоторыхъ провинцияхъ привыкли говорить непра-

вилно. [Г., с. 41]

И здесь отношение автора заключено в прилагательных с оценочным значением: *gute Bücher, gute Provinzen, хорошие книги, области чистотой языка и произношения другия превосходящие*.

Еще одним типом метакоммуникативных включений, выражающих авторское отношение в научном тексте, можно считать модально-эпистемические маркеры. С их помощью автор выражает степень уверенности при сообщении каких-то фактов. Например:

(36) Außer diesen **scheinen** eine große Anzahl derselben, aus bloßen Nebenwörtern **entstanden zu seyn**, als welche insgemein einsyllbig, und also von einfacher Natur sind. Von böß, gut, kurz, lang, früh, spät, schön, alt, jung, u.d.m. **scheinen** im Deutschen die Beywörter, ein böser, guter, kurzer, langer, früher, später, schöner, alter, junger, u.s.w. durch Anhängung der Syllbe er **gebildet zu seyn**. [G., S. 248]

(37) **Кажется**, что некоторые имена прилагательныя происходят отъ наречий. Отъ böß *зло*, gut *добро*, kurz *коротко*, lang *долго*, früh *рано*, spät *поздно*, schön *пригожо*, alt *старо*, jung *молодо*, и пр. **по видимому** прилагательныя произошли такъ: ein böser *злый*, guter *добрый*, kurzer *короткий*, langer *долгий*, früher *ранний*, später *поздний*, schöner *пригожий*, alter *старый*, junger *молодой*. [Г., с. 88]

И.К. Готшед, описывая происхождение прилагательных, использует конструкцию *scheinen ... zu sein*, состоящую из глагола *scheinen* и инфинитива с *zu*. Эта конструкция имеет семантику неуверенности, допустимости. И.М. Греч использует в этом же отрывке односоставное неопределенно-личное предложение *Кажется...* с той же семантикой и вводное слово *по видимому*.

Готшед использует для выражения степени уверенности также вводные слова и конструкции с семантикой уверенности/неуверенности:

(38) Wem soll man nun hier in der Rechtschreibung folgen? **Ohne Zweifel** dem besten Theile. [G., S. 64]

(39) Wörter verschiedener Bedeutung, und die nicht von einander abstammen, unterscheide man, **so viel möglich ist**, durch die Buchstaben. [G., S. 73]

Кроме того, степень уверенности И.К. Готшед выражает наречием *unstreitig*:

- (40) Man pflegt auch noch andere Eigenschaften zur Vollkommenheit und Schönheit einer Sprache zu erfordern, **die aber so unstreitig nicht sind**. [G., S. 14]
- (41) Diese Benennung ist **unstreitig** besser und bestimmter, als die lateinische, Verba: denn auch die Nomina und alle übrige Arten sind Verba, Wörter. Daher haben einige deutsche Sprachlehrer ohne Ursache, diese lateinische Art nachahmen wollen. [G., S. 146]

Общий тон грамматик Готшед и И.М. Греча отличается. Готшед скорее рассуждает вместе с читателем, а И.М. Греч именно наставляет.

Маркеры наставления в грамматике Готшед выражены безличными предложениями с *man*, модальными глаголами *dürfen*, *müssen*, *wollen*, предложениями в Konjunktiv II. В грамматике И.М. Греча – конструкциями с глаголами *должен* с инфинитивом, *надлежит* с инфинитивом, условными предложениями.

- (42) **Man darf** also eben so wenig Jabe, als Kabe, jib, als kib, oder kip schreiben: obgleich einige schlechte Mundarten so sprechen möchten. [G., S. 66]

В приведенном примере использован модальный глагол *dürfen*, обозначающий долженствование, а в сочетании с выражением *eben so wenig* несет значение запрета.

- (43) Alle Stammbuchstaben, die den Wurzelwörtern eigen sind, **müssen** in allen abstammenden **beybehalten werden**. [G., S. 66]

Это пример формулировки правила, в нем использован пассивная конструкция с модальным глаголом *müssen*, имеющим значение долженствования.

- (44) II) Содержащиеся въ первообразныхъ словахъ буквы **должны содержаться** и въ производимыхъ, отъ оныхъ, какъ отъ gib происходитъ ich gebe, gab, gegeben, die Gabe, следовательно **должны оне все иметь** g и b.

Сие правило касается не только до согласныхъ, но и до гласныхъ буквъ, и для того **надлежитъ** а, о и и, которыя стоятъ въ един-

ственном числе, **переменять** въ множественномъ въ ä, ö, ü, на пр. единств. Vater, множ. Väter, единств. Vogel, множ. Vögel, и пр. [Г., с. 11]

Это параллельный отрывок из грамматики И.М. Греча. Формулировка правила здесь, также как и у Готшеда, содержит модальный глагол *долженствовать*, а также глагол *надлежать*, имеющий значение наставления, приказания.

(45) **Will man** die jüngst vergangene Zeit **haben**, **so setzet man** anstatt des n, das te hinten **zu**: ich lobete. **Läßt man** das letzte e hier **weg**, **und setzet** die Syllbe ge **voran**, **so hat man** die völlig vergangene Zeit: gelobet, die auch in der längst vergangenen bleibt. [Г., S. 306]

(46) **Will** aber ein Lehrmeister seine Schüler mit diesem philosophischen Unterschiede der Wörter **nicht beschweren**; **so kann** er ihnen ebenfalls nur **sagen**: es gebe im Deutschen neun Arten von Wörtern oder Redetheilchen. [Г., S. 154]

В приведенных отрывках использованы придаточные условные предложения с модальным глаголом *wollen* и неопределенно-личным местоимением *man*. Эти высказывания имеют семантику совета, но подразумевается, что эти правила обязательны для выполнения.

(47) **Когда похочешь иметь** преходящее время, то **поставь** вместо n на конце te, ich lobete я *хвалилъ*. **А когда выпустишь** изъ сего последнее e, **и поставишь** наперед слогу ge, **то сделаешь** время прошедшее gelobet *хвалилъ*, которое остается и в мимошедшемъ. [Г., с. 212]

Приведенный эпизод – это дословный перевод, но немецкое неопределенно-личное местоимение *man* переводится здесь как форма 2 лица единственного числа. Условные придаточные предложения сохранены.

К метакоммуникативным включениям, рассмотренным в этом параграфе, можно отнести и выразительные средства синтаксиса, такие как риторический вопрос. Уже упоминалось, что грамматика относится к учебно-научному типу текстов, а значит, в ней не ожидается использование средств выразительности, как лексических, так и синтаксических. Но так как сочинение Готшеда – это, в

первую очередь, трактат о немецком языке, а уже во вторую – учебное пособие, он использует в своих рассуждениях и риторические вопросы:

- (48) Wem soll man nun hier in der Rechtschreibung folgen? Ohne Zweifel dem besten Theile. [G., S. 64]
- (49) Frage: Ob man die Doppellaute Ae, Oe, Ue, einzeln, oder zusammen gezogen, oder übereinander gesetzt, schreiben solle? [G., S. 46]
- (50) Da oben der Stammsyllbe der Zeitwörter gedacht wurde: so fraget es sich, wo dieselbe zu suchen sey? [G., S. 306]

И.М. Греч, создавая адаптированную грамматику на основе грамматики И.К. Готшеда, избегает подобного тона изложения материала. Риторический вопрос встретился всего один раз. Этот фрагмент является прямым переводом фрагмента Готшеда.

- (51) Изъ сего происходить вопрос: который есть свойственно первообразный слогъ глаголов? [Г., с. 212]

В грамматиках «Grundlegung einer deutschen Sprachkunst» И.К. Готшеда и «Готшедовой немецкой грамматике» И.М. Греча авторское начало представлено по-разному. В грамматике Готшеда автор явно присутствует в тексте, вступает в диалог с читателем. И.М. Греч использует меньшее количество метакommunikативных включений, выражающих авторское отношение к тексту. В основном, уменьшение количества этих элементов объясняется сокращением текста Готшеда и прагматизацией задач перевода.

Краткие выводы по главе II

Терминология является одним из важнейших средств метаязыка науки. Анализ метаязыка грамматик И.К. Готшеда и И.М. Греча позволяет увидеть процесс становления метаязыка лингвистики в Германии и в России. В XVIII веке как в Германии, так и в России господствовали пуристические идеи. Немецкие ученые создавали немецкоязычные термины для замены латинских. Лишь немногие из них используются в современной лингвистике. Метаязык лингвистики в России в ту эпоху имел большое количество заимствований из разных языков, в том числе из немецкого. Но и российские языковеды старались создавать собственную терминологическую систему. Это приводило к тому, что в разных трудах одного периода названия явлений различались, что мешало пониманию. Для решения этой проблемы авторы исследуемых грамматик прибегали к дублированию терминов на разных языках. Это явление можно считать взаимодействием метаязыков, своего рода метакоммуникацией.

Метакоммуникативные включения имеют множество различных функций, разные исследователи классифицируют и называют их по-разному. В настоящей работе рассмотрены две наиболее часто встречающиеся группы метакоммуникативных включений.

Метакоммуникативные включения с функцией структурной организации текста помогают восприятию текста читателем, привлекают внимание к наиболее важным частям текста. Отдельно в этой группе стоит выделить паралингвистические метакоммуникативные включения с функцией структурной организации текста. Они облегчают понимание текста и делают его более наглядным. Анализ метакоммуникативных включений, относящихся к первой группе, позволяет сделать вывод, что язык науки в Германии и в России в XVIII веке был еще в стадии формирования, но уже существовала определенная традиция.

Вторая группа – метакоммуникативные включения, выражающие авторское начало в тексте. В исследуемых грамматиках авторское начало представ-

лено по-разному. Автор в грамматике Готшеда общается с читателем, вовлекает его в диалог. В грамматике И.М. Греча авторское отношение проявляется минимально, так как цель создания этого перевода была сугубо дидактическая, а не философская как у Готшеда.

Заключение

Работа посвящена анализу метакоммуникативных включений в грамматике «Grundlegung einer deutschen Sprachkunst» И.К. Готшеда (1748) и «Готшедовой немецкой грамматике» И.М. Греча (1760). Труд Готшеда был частью борьбы за становление единого литературного немецкого языка, борьбы с иноязычными заимствованиями и использованием латыни в научной среде. Грамматика И.М. Греча создавалась как учебное пособие по немецкому языку для русских учеников. Эта грамматика была одной из популярнейших в России в XVIII веке. Сравнительный анализ оригинального текста и его перевода дает возможность понять особенности адаптации текста к новым социокультурным условиям.

Постановка вопроса о метакоммуникативном уровне научного текста, примерами которого являются грамматики Готшеда и И.М. Греча, позволяет более полно раскрыть замысел автора, его цель. Метакоммуникативные включения играют важную роль в облегчении понимания текста читателем – несут информацию о правилах, принципах, по которым создан текст (код сообщения), иллюстрируют взаимоотношения автора и читателя (отношения коммуникантов) (см. главу I).

Анализ терминологического аппарата грамматик позволяет поставить вопрос о коммуникации метаязыков. Особенности терминологического аппарата в грамматике Готшеда показывают, что латынь еще сохраняет позиции универсального языка науки, хотя все больше вытесняется терминами на национальном языке. На метаязык грамматики И.М. Греча оказывала влияние не только латынь, но и языки-посредники, каким был немецкий. Дублирование терминологии, встречающееся в обеих грамматиках, интерпретировано как пояснение кода сообщения. В работе отмечается, что язык Готшеда более близок к современному немецкому языку, нежели язык грамматики И.М. Греча.

Исследование метакоммуникативных включений с функцией структурной организации текста (лингвистических и паралингвистических) помогает определить способы визуальной и вербальной организации текста. Они облегчают восприятие и привлекают внимание к значимой информации.

Анализ метакоммуникативных включений, выражающих авторское начало позволяет более полно понять замысел авторов, их отношение к предмету и к читателям. Метакоммуникативные элементы, выражающие авторское начало, в большом количестве присутствуют в грамматике И.К. Готшеда и сравнительно немногочисленны у И.М. Греча. Это подтверждает диалогический и философско-риторический замысел оригинального текста, адаптированный при переводе к наставительной интонации учебника (см. главу II).

Список источников

1. **Греч, 1769.** *Греч И.М.* Готшедова немецкая грамматика: Вновь исправленная, и для ползы и употребления российского благородного юношества напечатанная, 2-м тиснением. СПб.: При Мор. шляхет. кадет. корпусе, 1769. 421 с.
2. **Gottsched, 1752.** *Gottsched J. Ch.* Grundlegung einer Deutschen Sprachkunst. Nach den Mustern der besten Schriftsteller des vorigen und jetzigen Jahrhunderts abgefasst, und bey dieser dritten Auflage merklich vermehret von Johann Christoph Gottscheden. Leipzig, 1752.

Список использованной литературы

1. **Абдуррахманова, 2014.** *Абдуррахманова Э.К.* Маркеры метадискурсивной информации в научных текстах // Материалы XLIII Международной филологической конференции. Вып. 18: Секция грамматики (романо-германский цикл) / отв. ред. А.В. Зеленщиков. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. С. 3–8.
2. **Алексеева, 2004.** *Алексеева И.С.* Введение в переводоведение. Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. 352 с.
3. **Алпатова, 2012а.** *Алпатова Т.А.* Проза Н.М. Карамзина: поэтика повествования: Автореферат дис. ... д. филол. наук. М., 2012. 43 с.
4. **Алпатова, 2012б.** *Алпатова Т.А.* Проза Н.М. Карамзина: поэтика повествования. М.: Изд-во МГОУ, 2012. 560 с.

5. **Арискина, 2013.** *Арискина О.Л.* Становление учения о морфемике и словообразовании русского языка: понятийный и терминологический аппарат (XVI–XVIII вв.): Автореферат дис. ... д. филол. наук. М., 2013. 46 с.
6. **Арнольд, 1991.** *Арнольд И.В.* Основы научных исследований в лингвистике: Учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1991. 140 с.
7. **Бакулина, 2008.** *Бакулина А.Л.* Иоганн Кристоф Готтшед как нормализатор немецкого литературного языка XVIII века: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 27 с.
8. **Бёрк, 2015.** *Бёрк П.* Что такое культуральная история? / пер. с англ. И. Полонской; под науч. ред. А. Лазарева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 240 с.
9. **Буслаев, 2006.** Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка: Этимология. Изд. 7-е. М.: КомКнига, 2006. 296 с.
10. **Вацлавик, Бивин, Джексон, 2000.** *Вацлавик П., Бивин Дж., Джексон Д.* Прагматика человеческих коммуникаций: Изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия / пер. с англ. А. Суворовой. М.: Апрель-Пресс, ЭКС-МО-Пресс, 2000. 320 с.
11. **Вежбицка, 1978.** *Вежбицка А.* Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978. № 8. С. 402–424.
12. **Виноградов, 1971.** *Виноградов В.В.* О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. 239 с.
13. **Винокур, 1959.** *Винокур Г.О.* Русский литературный язык в первой половине XVIII века // Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 111–137.
14. **Витлин, 1958.** *Витлин Ж.Л.* Из истории русской методической мысли. К вопросу о роли сравнения языков в методике преподавания нем. яз. в России. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. 26 с.
15. **Витлин, 1959.** *Витлин Ж.Л.* Развитие сравнительного метода в преподавании грамматики немецкого языка в средних учебных заведениях России (XVIII–XX вв.): Автореферат дис. ... канд. пед. наук. Л., 1959. 20 с.

16. **Гальперин, 2006.** *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 4-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2006. 144 с.
17. **Ганиева, 1996.** Ганиева И.Ф. Метакоммуникативные высказывания в учебной коммуникации: [на материале обучения немецкому языку] // Вестн. Башкир. ун-та. № 3. 1996. С. 11–12.
18. **Глушак, 2012.** *Глушак В.* Взаимное восприятие русских и немцев от древности до наших дней // Русские и немцы. 1000 лет истории, искусства и культуры. [каталог выставок], 21 июня 2012 года – 25 августа 2012 года (Москва), 6 октября 2012 года – 13 января 2013 года (Берлин) [эссе /вступ. слово: В. Путин и др.; авт. ст.: Г. Парцингер и др.]. Petersburg и др.: Michael Imhof Verlag и др., 2012. С. 22–31.
19. **Греч, 2002.** *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. М.: 2002. 463 с.
20. **Гундорова, 1999.** *Гундорова С.В.* Риторическая концепция И.-К. Готшеда и ее местов развития науки о языке XVIII в.: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 30 с.
21. **Гуревич, 2009.** *Гуревич Л.С.* Коммуникация и метакоммуникация в диалектике познания // Вестник ИГЛУ. Иркутск: ИГЛУ, 2009, № 2(6). С. 148–155.
22. **Живов, 1996.** *Живов В.М.* Язык и культура в России XVIII века. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 590 с.
23. **Карамзин, 1987.** *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника; Подгот. Ю.М. Лотман и др. [АН СССР]. Л.: Наука, 1987. 716 с.
24. **Карева, 2011.** *Карева Н.В.* Становление традиции грамматического описания русского языка (1730–1750-е гг.) // Литературная культура России XVIII века / под ред.: П.Е. Бухаркина, Е.М. Матвеева, А.Ю. Тираспольской. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011, Вып. 4. С. 90–109.
25. **Карева, 2014.** *Карева Н.В.* В.Е. Адодуров и формирование грамматической традиции в России первой половины XVIII века // Василий Евдокимович Адодуров. «Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache» или «Первые основания русского языка» / А.А. Ветушко-Калевич, С.С. Волков, Л.Н. Григорьева, Н.В. Карева, М.В. Корышев, К.В. Манёрова, К.А. Филиппов; отв. ред. К.А. Фи-

липпов, С.С. Волков; отв. секр. Н.В. Карева. СПб.: Наука, Нестор-История, 2014. 256 с.

26.**Кислова, 2015.** *Кислова Е.И.* Немецкий язык в русских семинариях XVIII века: из истории культурных контактов // Вестник ПСТГУ III: Филология. 2015, Вып. 1 (41). С. 53–70.

27.**Косенко, 2004.** *Косенко Е.И.* Лексико-грамматическое освоение интернациональных терминов в русском языке XVIII века: Автореферат дис. ... к. филол. н. Махачкала, 2004. 22 с.

28.**Коляревский, 1895.** *Котляревский А.А.* Сочинения А.А. Котляревского: Т. 1–4. СПб, 1895.

29.**Ломоносов, 1955.** *Ломоносов М.В.* Проект регламента Академической гимназии. 1758 марта 24 – мая 27 // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений / АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – С. 477–523. URL: <http://feb-web.ru/feb/lomonos/texts/lo0/lo9/lo9-477-.htm> (дата обращения: 16.05.2016).

30.**Лотман, 2005.** *Лотман Ю.М.* Об искусстве. СПб.: «Искусство–СПБ», 2005. 704 с.

31.**Лузанов, 1907.** *Лузанов П.Ф.* Сухопутный шляхетный кадетский корпус (ныне 1-й Кадетский корпус) при графе Минихе. Исторический очерк / сост. по арх. материалам Петр Лузанов. [Вып. 1]. СПб: Книгопечатня Шмидт, 1907. 188 с.

32.**Мануйлова, 2013.** *Мануйлова Е.О.* Прагматические функции метакоммуникативных компонентов высказывания в немецком публицистическом дискурсе: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2013. 27 с.

33.**Минаева, 2003.** *Минаева О.Д.* Русская журналистика в документах. История надзора. Аспект Пресс М, 2003. 397 с.

34.**Нефедов, 2013.** *Нефедов С.Т.* Имплицитная авторизованность научного текста // Научное мнение 10. СПб, 2013. С. 51–57.

35.**Нефедов, 2014а.** *Нефедов С.Т.* Императивы лингвистического дискурса // Научное мнение 5. СПб, 2014. С. 58–64.

36. **Нефедов, 2014б.** *Нефедов С.Т.* «Нарративный запрет» в лингвистическом дискурсе // Научное мнение 9-1. СПб, 2014. С. 9–19.
37. **Никшикова, 2007.** *Никшикова Л.Ю.* Историко-педагогические основы преподавания иностранных языков в России XIX–начала XX в.: Автореферат дис. ... канд. пед. наук. Нижний Новгород, 2007. 27 с.
38. **Переписка..., 2011.** *Переписка князя М.М. Щербатова* / Публ. С.Г. Калининой. М.: «Древлехранилище», 2011. 530 с.
39. **Петкова, 2011.** *Петкова С.* Реализация прагматического потенциала вводных метакоммуникативных единиц в контексте публичного диалога // Болгарская русистика, 3–4. София, 2011. С. 5–13.
40. **Пигрова, 2001.** *Пигрова Е.К.* Метакоммуникативные маркеры в устной спонтанной речи: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2001. 18 с.
41. **Попова, 2011.** *Попова Л.В.* Лингвистический термин: проблема качества (Опыт составления «Комплексного словаря терминов функциональной грамматики»). 2-е изд., стереотип. М.: ФЛИНТА, 2011. 198 с.
42. **Руднев, 2013.** *Руднев Д.В.* Книгоиздательская деятельность кадетских корпусов в XVIII веке (на материалах типографии Морского шляхетного кадетского корпуса): Дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2013. 306 с.
43. **Скворцова, 2004.** *Скворцова М.Л.* Творчество И.К. Готшеда в контексте раннего немецкого Просвещения: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2004. 18 с.
44. **Супоницкая, 2014.** *Супоницкая Н.С.* Коннекторы как маркеры присутствия автора в научном тексте текстах // Материалы XLIII Международной филологической конференции. Вып. 18: Секция грамматики (романо-германский цикл) / отв. ред. А. В. Зеленщиков. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. С. 76–84.
45. **Татищев, 1769.** *Татищев В.Н.* История российская с самых древнейших времен. Кн. 1. Ч. 2. 1769. С. 225–600.
46. **Толстой, 1951.** *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений. Т. 30. М., 1951. 608 с.

47. **Тураева, 1986.** *Тураева З.Я.* Лингвистика текста: (Текст: структура и семантика). Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.». М.: Просвещение, 1986. 127 с.

48. **Филиппов, 2009.** *Филиппов К.А.* «Russische Grammatick» М.В. Ломоносова в историко-культурном и лингвистическом аспектах // Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.Г. Адмони: «Научное наследие В.Г. Адмони и современная лингвистика» (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН, 9-13 ноября 2009 г.). СПб.: Нестор-история, 2009. С. 259–260.

49. **Филиппов, 2011.** *Филиппов К.А.* Грамматические идеи М.В. Ломоносова в контексте европейского научного дискурса XVIII века // Материалы XL Международной филологической конференции. Вып. 15: Грамматика (Романо-германский цикл) / Отв. ред. А.В. Зеленщиков. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. С. 109–115.

50. **Филиппов, 2013а.** *Филиппов К.А.* Лейбниц – Вольф – Готтшед – Ломоносов: К вопросу о грамматических теориях XVIII века // Филологическое наследие М.В. Ломоносова: коллективная монография / отв. ред. П.Е. Бухаркин, С.С. Волков, Е.М. Матвеев. СПб.: Нестор-История, 2013. С.253–264.

51. **Филиппов, 2013б.** *Филиппов К.А.* Заметки об эстетике немецкого историко-грамматического дискурса XVIII века // XLI Международная филологическая конференция, Санкт-Петербург, 26-31 марта 2012 г.: Избранные труды / Отв. ред. А.С. Асиновский, С.И. Богданов. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. С.185–197.

52. **Филиппов, 2013в.** *Филиппов К.А.* Личностные параметры немецкого историко-грамматического дискурса XVIII века // Немецкая филология в СПбГУ: Вып. III: Антропоцентризм языковых феноменов: сб. науч. ст. / под ред. д-ра филол. наук, проф. С.Т. Нефедова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. С.41–52.

53. **Филиппов, 2015.** *Филиппов К.А.* Наблюдения над метаязыком концептуальных грамматических текстов эпохи немецкого Просвещения // Материалы

метаязыкового семинара ИЛИ РАН. 2014 год / отв. ред. С. С. Волков, Е. М. Матвеев. СПб.: Геликон-Плюс, 2015. С. 41–58.

54. **Филиппов, Волков, 2014.** *Филиппов К.А., Волков С.Св.* М.В. Ломоносов и европейский научный дискурс XVIII века: Г.В. Лейбниц, Х. Вольф, И.К. Готтшед: научный доклад. СПб.: СПбГУ. РИО. Филологический факультет, 2014. 60 с.

55. **Филиппов, Григорьева, 2013.** *Филиппов К.А., Григорьева Л.Н.* Немецкий язык в идиолекте М.В. Ломоносова // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т.10. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 257–272.

56. **Чернявская, 2006.** *Чернявская В.Е.* Научный текст как социокультурный феномен // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: Межвузовский сборник научных трудов, 3. Орел, 2006. С. 17–26.

57. **Чернявская, 2012.** *Чернявская В.Е.* Может ли ученый мыслить национально специфично? Когнитивный стиль как монокультурный феномен // Университетский научный журнал = Humanities & Science University Journal. №3 (2012): научный журнал / Санкт-Петербургский университетский консорциум. СПб., 2012. С. 156–163.

58. **Шарф, 2012.** *Шарф К.* Российско-германские династические «перекрестные браки» с XVI века до 1917 года // Русские и немцы. 1000 лет истории, искусства и культуры. [каталог выставок], 21 июня 2012 года – 25 августа 2012 года (Москва), 6 октября 2012 года – 13 января 2013 года (Берлин) [эссе /вступ. слово: В. Путин и др.; авт. ст.: Г. Парцингер и др.]. Petersburg и др.: Michael Imhof Verlag и др., 2012. С. 144–157.

59. **Юности..., 1990.** *Юности честное зерцало.* Репринт. изд. с факс. изд. 1976 г. М.: Планета, 1990. 88 с.

60. **Якобсон, 1975.** *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // Структурализм — за и против. М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.

61. **Argent, Offord, Rjeóutski, 2015.** *Argent G., Offord D., Rjeóutski V.* The Functions and Value of Foreign Languages in Eighteenth-Century Russia. // *The Russian Review*, 74. 2015. P. 1–19.

URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/russ.10752/full> (дата обращения: 16.05.2016).

62. **Auer, Baßler, 2007.** *Auer P., Baßler H.* Der Stil der Wissenschaft // *Reden und Schreiben in der Wissenschaft*. Frankfurt/Main: Campus Verlag, 2007. P. 9–30.

63. **Bateson, 2009.** *Bateson G.* Information and codification: a philosophical approach // *Ruesch J., Bateson G. Communication: the social matrix of psychiatry*. New Brunswick: Transaction Publishers, 2009 (originally published in 1951 by W.W. Norton & Co, Inc.). P. 168–211.

64. **Berelowitch, 2015.** *Berelowitch W.* Francophonie in Russia under Catherine II: General Reflections and Individual Cases. // *The Russian Review*, 74. 2015. P. 41–56. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/russ.10755/full> (дата обращения: 16.05.2016).

65. **Birke, 1966.** *Birke J.* Christian Wolffs Metaphysik und die zeitgenössische Literatur- und Musiktheorie: Gottsched, Scheibe, Mizler. Berlin, 1966.

66. **Cross, 2015.** *Cross A.* English – A Serious Challenge to French in the Reign of Alexander I? // *The Russian Review*, 74. 2015. P. 57–68. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/russ.10756/full> (дата обращения: 16.05.2016).

67. **Dahmen, 2015.** *Dahmen K.* The Use, Functions, and Spread of German in Eighteenth-Century Russia. // *The Russian Review*, 74. 2015. P. 20–40. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/russ.10754/full> (дата обращения: 16.05.2016).

68. **Dijk van, 1980.** *Dijk van T.A.* Macrostructures: An interdisciplinary study of global structures in discourse, interaction and cognition. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Assoc. Inc, 1980. 317 p.

69. **Filippov, Grigorieva, 2013.** *Filippov K., Grigorieva L.* Michail Lomonossov und die deutsche Sprache und Kultur im XVIII. Jahrhundert. Ein Bericht zu aktuellen

Forschungsprojekten über einen russischen Universalgelehrten // *Sprache&Sprachen* 45. 2013. S. 1–16.

70.**Gardt, 1999.** *Gardt A.* Geschichte der Sprachwissenschaft in Deutschland. Von Mittelalter bis uns 20. Jh. Berlin; New York: de Gruyter, 1999. 409 S.

71.**Gerken, 1990.** *Gerken A.B.* Die sprachtheoretische Differenz zwischen Gottsched und Gellert. Frankfurt am Main, 1990. 169 S.

72.**Goffman, 1981.** *Goffman E.* Forms of Talk. Pennsylvania: University of Pennsylvania Press, 1981. 335 p.

73.**Koch, 2002.** *Koch K.* Deutsch als Fremdsprache im Rußland des 18. Jahrhunderts. Ein Beitr. zur Geschichte des Fremdsprachenlernens in Europa u. zu den deutsch-russischen Beziehungen. Berlin New York: de Gruyter, 2002. 456 S.

74.**Malinowski, 1949.** *Malinowski B.* The problem of meaning in primitive languages // Ogden C.K., Richards I.A. The Meaning of Meaning, 10th edn. London: Kegan Paul, 1949. P. 296–336.

75.**Niederhauser, 1999.** *Niederhauser J.* Wissenschaftssprache und populärwissenschaftliche Vermittlung. Tübingen: Narr, 1999. 276 S.

76.**Rjéoutski, Offord, 2013.** *Rjéoutski V., Offord D.* Foreign Languages and Noble Sociability: Documents from Russian Masonic Lodges. 2013. URL: <https://frinru.ilrt.bris.ac.uk/introduction/foreign-languages-and-noble-sociability-documents-russian-masonic-lodges> (дата обращения: 16.05.2016).

77.**Vande Kopple, 1985.** *Vande Kopple W.J.* Some Exploratory Discourse on Metadiscourse // College Composition and Communication. 1985. P. 82–93.

78.**Weinrich, 2006.** *Weinrich H.* Sprache, das heißt Sprachen. 3., ergänz. Auflage. Tübingen: Narr, 2006. 412 S.

Словари

1. **Словарь...**, 2010. *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 3: (Р–Я), 2010. 470 с.
2. **Стилистический...**, 2003. *Стилистический энциклопедический словарь русского языка* / [Л.М. Алексеева и др.]; Под ред. М.Н. Кожинной. М: Флинта Наука, 2003. 694 с.
3. **Duden** URL: <http://www.duden.de/node/654164/revisions/1605654/view> (дата обращения: 16.05.2016).